

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ БОРЬБА

или

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ОСТРОВ
РОССИЯ

Остров Россия

Валерий Шамбаров

**Тридцатилетняя борьба, или
Новейшая история России**

«Алисторус»

2022

УДК 338
ББК 66.4

Шамбаров В. Е.

Тридцатилетняя борьба, или Новейшая история России /
В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2022 — (Остров Россия)

ISBN 978-5-00180-728-5

История – не только далёкое прошлое. И исторические фигуры – не только древние греки, римляне, византийцы, русичи. Не только «чудо-богатыри» Суворова или солдаты Великой Отечественной. Сегодняшний день уже завтра становится историей, и мы с вами в ней тоже участвуем. Со времён разрушения СССР миновало больше 30 лет, это уже целая эпоха. Она была насыщенной важнейшими событиями: перемены в России и в мире, преобразования, интриги, заговоры, социальные и военные конфликты. Но было и нечто постоянное, не прекращавшееся ни на один день. Война Запада против нашей страны – хотя она принимала разные формы. Иногда завуалированные, даже под маркой «дружбы», иногда откровенные, что и продолжается до сих пор. Об этой эпохе рассказывает новая книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова «Тридцатилетняя борьба или новейшая история России».

УДК 338

ББК 66.4

ISBN 978-5-00180-728-5

© Шамбаров В. Е., 2022

© Алисторус, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерий Шамбаров

Тридцатилетняя борьба или новейшая история России

© Шамбаров В.Е., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Глава 1

Извечная Россия и тайная война

Почему пал Советский Союз?.. Чтобы понять это, сперва полезно взглянуть, почему же пала Российская Империя. Ведь она в начале XX в. находилась на вершине своих успехов. Создала передовую по тем временам промышленность, была одним из мировых лидеров по производству сельскохозяйственной продукции, по темпам роста экономики уверенно держала первое место в мире. Средняя зарплата рабочих была самой высокой в Европе [140, с. 108–109]. Очень высоким был и прирост населения, рождаемость достигала 45,5 детей на 1000 жителей в год. По прогнозам Менделеева население России к концу XX в. должно было достичь 600 млн. Империя базировалась на трех столпах, трех основополагающих устоях: Православие – Самодержавие – Народность. Но национальная и конфессиональная политика проводилась очень мудрая. Мусульмане и буддисты почитали Белого Царя как покровителя своих религий. Лютеране и католики тоже не чувствовали себя ущемленными. Под эгидой России народы Прибалтики избавились от немецкого рабства, молдаване и грузины от турецкого, армяне от персидского. Народы Средней Азии, Сибири, Кавказа смогли в составе России развивать собственную культуру, у них появились первые школы, больницы.

Империя достигла такого могущества, что ни один противник не мог сокрушить ее. В Крымской войне даже целая коалиция сильнейших в то время держав: Англии, Франции, Турции, Сардинского королевства – не смогла одолеть Россию, истекла кровью на бастионах Севастополя и вынуждена была замирииться. Монархия твердо защищала национальные интересы, и процветающая, богатейшая Россия становилась главным конкурентом Запада как в международной политике, так и в промышленности, торговле. Но тогда были пущены в ход информационные диверсии, тайные подрывные операции.

Иностранные правительства, спецслужбы, финансово-политическая «закулиса» вскармливали и поддерживали оппозиционные течения: либералов, социалистов, анархистов. Народ заражали разрушительными «передовыми» учениями, морочили головы химерами «прав» и «свобод», которые якобы есть за границей и отсутствуют в России. Внедрялась ложь, исподволь искажалось массовое сознание: будто Самодержавие «реакционно», является тормозом на пути «общественного прогресса». Передовую и развитую Империю изображали «отсталой» – с требованиями якобы необходимых «реформ». Уникальную державу, многонациональную, но и монолитную, выставляли «тюрьмой народов» – взращивая национализм и сепаратизм. А Государя окружали агентами влияния, проталкивали их на ключевые посты в правительстве, при дворе, в военном командовании, в церковном Священноначалии.

Россию всячески шельмовали. Втянули в Мировую войну. Ее подставляли западные союзники, и она в критических ситуациях оставалась без помощи, без оружия и боеприпасов. Но Империя обладала такой внутренней силой, что преодолевала даже такие испытания. Сама, без западных «друзей», совершила мощный рывок военного производства. На ходу перевооружала армию. Одерживала блестящие победы. Но война (и союзничество с Англией, Францией, партнерство с США) позволили активизировать подрывные операции, наращивать раскачку общества. Западные державы субсидировали революционеров, развернулись чудовищные спекуляции с продовольствием, искусственно создавались дефициты. Успехи на фронте либеральная печать и Дума замалчивали, неудачи раздували. Запускались клеветнические сплетни о Распутине, об «измене». Провоцировались забастовки, митинги, демонстрации. А на этом фоне настоящие изменники формировали широкий заговор против Царя.

Сейчас уже хорошо известно, что за организацией так называемой Февральской революции стояли дипломаты и спецслужбы Великобритании, об этом в свое время докладывала

даже французская разведка [140, с. 276–277]. Была разыграна операция с изоляцией Николая II в поезде и публикацией от его имени поддельного «отречения» со склеиванием разных частей бланка телеграммы, копированием подписи Государя [65]. В результате власть захватило самозванное Временное правительство, заглядывающее в рот иностранным советникам. Но и такой вариант не удовлетворил режиссеров катастрофы. Они применили «ступенчатую» схему разрушения. Сперва державу ломало либеральное правительство князя Львова, потом ему на смену протолкнули более радикального социалиста Керенского, а за ним большевиков, сепаратистов, которые усугубили обвал, доведя его до кошмаров гражданской войны.

Но уничтожение России было не только политической, оно являлось и духовной диверсией. Ее главные заказчики и сценаристы из финансовой и политической элиты Англии, США, Франции были традиционно связаны с тайными оккультными орденами и масонской иерархией. Поэтому физическое разрушение закрепили еще и магическим «убийством Империи» – в ночь на 17 июля 1918 г. в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге совершилось сакральное жертвоприношение Николая II и его Семьи [139]. В данном контексте еще раз можно обратить внимание: теневые организаторы прекрасно знали, что Государь не отрекался. Для полноты черного жертвоприношения был важен именно настоящий, действительный Царь, Помазанник Божий.

В итоге замыслы были исполнены. Страна обрушилась в полный хаос. Только погибшими она потеряла 15–17 млн человек, 12–13 % населения. Не считая раненых, больных, искалеченных – и морально искалеченных. Около 2 млн очутилось в эмиграции.

А то, что осталось от России, доламывали социальные эксперименты большевиков. Пошло повальное разграбление национальных богатств – на запад хлынули русское золото, нефть, лес, пушнина, хлеб, шедевры искусства, антиквариат, церковные ценности. Победителями стали вовсе не рабочие и крестьяне, а чужеземные хищники. Правительство Ленина и Троцкого щедро раздавало конфессии американцам и англичанам – рудники и месторождения Урала, Сибири, Кавказа, нефтепроводы, промышленные предприятия.

И все-таки исконный народный дух, русское самосознание оказались очень сильны. Даже внутри большевистской партии сохранялись патриотические тенденции. Они начали брать верх над чуждыми разрушительными влияниями. Это крыло в партии возглавил и сделал своей опорой Сталин. А лидеры оппозиционных группировок Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Радек, Сокольников и др. оказались именно из тех деятелей, кто возглавлял «пятую колонну», создававшуюся западными финансово-политическими кругами против Российской Империи. В борьбе за власть Сталин одолел их. Но при этом и политический курс стал меняться из «революционного» в государственно-патриотическое русло.

Зарубежным концессионерам пришлось убраться восвояси. Программы индустриализации, механизации (а не только коллективизации) сельского хозяйства позволили поднять страну из разрухи, избавиться от зависимости от иностранцев. Восстанавливалась историческая преемственность между Царской и Советской Россией. Восстанавливался фундамент культурных, литературных, воинских традиций. Признавались преступления такие «завоевания революции», как аборты, гомосексуализм, ставилась задача укрепления семьи, нравственности. И можно ли считать случайным, что западные державы возобновили тайную войну против нашей страны? Снова использовались агенты влияния. Снова создавались подпольные организации, применялись вредительство, терроризм, экономические диверсии, сплетались заговоры. Но и Сталин многое знал о скрытых механизмах победы большевиков в 1917 г., провести параллели для него было не трудно. Повторения сценария он не допустил. «Пятые колонны» были круто уничтожены в чистках 1930-х.

Транснациональная финансово-политическая «закулиса» повторно разыграла и другой план – Мировой войны. Сейчас уже не секрет, что в возвышении Гитлера, в налаживании его

военной промышленности, вооружении его армий главную роль сыграли американские банковские круги, активно приложили руку и англичане [11].

Однако Советский Союз оказался уже достаточно сильным, чтобы выдержать чудовищный удар – не только Германии, а всей Европы, выступившей на Россию под знаменами Гитлера и обеспечивавшей его всей своей промышленной базой. Хотя при этом наша страна, как и в Первую мировую, оказалась втянута в союз с Англией и США, очень похожий на прежнюю Антанту. Снова велось ее подспудное шельмование. В обмен на поставки вооружения и техники Советский Союз был вынужден подписывать декларации о приоритетах «демократии».

А по итогам войны на западе вынашивались проекты строительства «нового мирового порядка». Собственно, для этого и организовали Вторую мировую. В 1945 г. была создана Организация Объединенных Наций. Но в лице ООН реализовывалась давняя масонская идея «мирового правительства», большинство голосов в этом органе заведомо обеспечили себе США со своими клиентами. Америка была единственной державой, которой война принесла не убытки, а колоссальные прибыли (как и Первая мировая). Англия влезла в долги к заокеанским друзьям. Континентальная Европа и подавно была разорена. А уж Советского Союза это коснулось в полной мере, он лишился шестой части населения, материальный ущерб составил третью часть всех национальных богатств, западная часть страны лежала в руинах. Казалось, что планы «мировой закулисы» сбываются...

Закрепить однополярное господство США должны были план Баруха и план Маршалла. Первый предусматривал узаконить в ООН американскую монополию на ядерное оружие. Вторым обещал огромные займы США для восстановления государств, пострадавших от войны. Но на таких условиях, что они попадали в полную экономическую зависимость от заимодавцев [20]. Но Советский Союз оба плана отверг. На шантаж и экономическую блокаду со стороны Запада не поддавался. Без всякой зарубежной помощи, без займов, произошло настоящее чудо! Героическими усилиями всего народа, мудрой политикой правительства страна совершила колоссальный рывок. В невероятные сроки, всего за одну пятилетку, не только преодолела послевоенную разруху, но уровень производства на 73 % превысил довоенный! В ответ на начавшуюся холодную войну сталинское правительство принялось формировать мировую социалистическую систему. А в 1949 г. Советский Союз получил собственное ядерное оружие, Америка лишилась монополии. Мир стал не однополярным, а двухполярным...

В 1950 г. по инициативе Сталина была осуществлена финансовая реформа. Рубль отвязали от доллара, перевели на «золотой стандарт». Во всем мире царила инфляция, цены росли. В США с 1947 по 1952 г. продукты подорожали на 25–30 %, во Франции – втрое. И только в СССР цены снижались! За этот же период, с 1947 по 1953 г., черный хлеб подешевел в три раза, мясо, сливочное масло, яйца, шерстяная ткань, белый хлеб, сахар, рыба – вдвое, молоко, шелк, ситец, обувь – примерно на 40 % [141]. Стоит добавить еще и бесплатное образование, здравоохранение, почти бесплатное жилье, оплачиваемый отдых, самый дешевый в мире городской и железнодорожный транспорт. К 1970 г. СССР реально мог войти в число стран с самым высоким уровнем жизни! И население увеличивалось, рождаемость была высокой, на 1000 человек 15–17 детей в год.

В сентябрьском номере журнала «Нэйшнл бизнес» за 1953 г. вышла статья Г. Гарриса «Русские догоняют нас». Отмечалось, что темпы экономического роста в СССР в 2–3 раза выше, чем в США. Они были самыми высокими в мире! Специалисты оценивали: если положение не изменится, то к 1970 г. объем русского производства в 3–4 раза превысит американский [141]. Да, Россия опять возвысилась, опять превратилась в главного конкурента США и их партнеров в мировой геополитике, промышленности, торговле. И воевать с СССР было нельзя. Иначе получишь такой ответ, что мало не покажется. Но оставались подрывные операции, идеологические и информационные диверсии. А в этой области западные державы накопили куда больший опыт, чем в 1917 г.

«Пятые колонны» Сталин вроде бы уничтожил в кампаниях террора 1930-х. После войны было вскрыто еще несколько теневых структур. «Ленинградская группировка» во главе с Алексеем Кузнецовым, угнездившаяся в верхушке партийного и государственного руководства. «Сионистский заговор» в министерствах госбезопасности, иностранных дел – к нему оказался причастен даже министр МГБ Абакумов, ставленник Кузнецова [83]. Но выкорчевали не все корешки. Остался Микоян. Он после Каменева возглавил наркомат внешней торговли, унаследовал связи с западными банкирами и промышленниками, даже личную дружбу с американским миллиардером Хаммером, близким приятелем Троцкого. А с расстрелянным Кузнецовым состоял в родстве (сын Микояна был женат на его дочери). Остался Куусинен – бывший лидер социал-демократии Финляндии, с большой долей вероятности – масон. Остались бывшие троцкисты Суслов и Хрущев, оба, как и Микоян, и Куусинен, были близки к «ленинградской группировке». Остался Пономарев, близкий к деятелям «сионистского заговора».

В 1953 г. Сталин был убит [83]. Недавно это было подтверждено на научном уровне – в останках обнаружили следы синильной кислоты. В качестве лидера выдвинулся Хрущев. Впрочем, можно усомниться, был ли он самостоятельным политиком? Очень похоже на то, что для заказчиков он оказался самой подходящей фигурой – с его крайним честолюбием, недалеким умом, самодурством, способностью наломать дров. А направляли его ближайшие советники и помощники: Микоян, Суслов, Куусинен. При их поддержке Никита Сергеевич сумел оклеветать в «заговоре» и уничтожить Берию, взявшегося расследовать обстоятельства смерти Сталина [83]. Оттеснил от руководства Маленкова, которого считали полноправным «наследником» Иосифа Виссарионовича. Отбросил и других бывших соратников: Молотова, Кагановича, Ворошилова, Булганина, Жукова.

В 1956 г. грянул XX съезд партии, развернулась антисталинская кампания – ее авторами были Суслов и Куусинен. Покатились и международные инициативы Хрущева по «разрядке», по налаживанию отношений с Западом. Его зарубежные визиты обычно предварял Микоян, готовил соглашения, которые Никита Сергеевич потом подписывал, – и почти всегда они оказывались крайне невыгодными для СССР. В одностороннем порядке вывели войска из Австрии, сдали в Финляндии базу, полученную по итогам войны, в одностороннем порядке принялись круто сокращать свою армию и флот, резать на металлолом самолеты, боевые корабли. А в Советский Союз хлынули зарубежные делегации, туристы, в рамках «культурного обмена» выплеснулись западные кинофильмы, журналы, газеты.

Зато с Китаем поссорились. От союза, заключенного при Сталине, дошло до полного разрыва (и спровоцировал разрыв Суслов своими оскорбительными заявлениями). И можно ли считать случайностью, что одним из шагов новой власти стала отмена в 1955 г. сталинского запрета абортов? Прирост населения оборвали. В 1964 г. число абортов в СССР достигло 5,6 млн! В медицинских учреждениях было убито 5.600.000 детей! Сопоставимо ли это с масштабами «сталинских репрессий»? Последовал и новый удар по Церкви, чисто троцкистский. Инициировало и направляло его опять ведомство Суслова. При Сталине в СССР действовало более 20 тыс. православных храмов – при Хрущеве за несколько лет погромов их осталось всего 7,5 тыс.

Но теневая группировка, действовавшая вокруг Хрущева, давала и новую поросль. Выдвиженцем Куусинена стал Юрий Андропов. Деятель очень сомнительного происхождения (дед – богатый ювелир Флекенштейн), далеко не лучшим образом проявивший себя в комсомольской и партийной организациях Карело-Финской республики. Но при покровительстве Куусинена его перевели в Москву, в аппарат ЦК. Потом он неожиданно перескочил в МИД, резко возвысился до ранга посла в Венгрии (что не могло обойтись без содействия Суслова и Пономарева). Отличился во время венгерского восстания и возглавил 2-й международный отдел ЦК. Сотрудникам он внушал, что надо работать по-новому, осваивать западные методики. А «команду» себе Андропов отбирал из молодых, умеющих нестандартно мыслить, –

в нее вошли Бурлацкий, Арбатов, Бовин, Шахназаров, Шишлин, Загладин. Некоторые, как Арбатов, попали к нему от Суслова. Другие, как Бурлацкий, от Куусинена. Андропов внушал им, что они – интеллектуальная элита страны, называл «аристократами духа» [109, с. 46]... Все его «аристократы духа» впоследствии стали творцами перестройки.

В партийных структурах появился и будущий «хромой бес перестройки» Александр Яковлев. Он работал в Ярославском обкоме партии, в 1952 г. его дважды вызывали в Центральную Контрольную комиссию – оправдываться по обвинениям, что он покровительствует «космополитам». Но умер Сталин, и те, кому Яковлев покровительствовал, видимо, отблагодарили. Он перевелся в ЦК, поступил в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК. В рамках культурного обмена его послали на стажировку в США в Колумбийский университет. Учебное заведение очень не простое. По своему статусу частное, но в нем действует «Русский институт», неофициальный разведывательный центр. Среди выпускников этого института такие известные русофобы, как Збигнев Бжезинский, Маршалл Шульман, Джек Мэтлок, Мадлен Олбрайт. А кроме того, рядышком с Колумбийским университетом находится единственный в мире масонский храм. Он подразумевается как «временный», до строительства «третьего храма» в Иерусалиме.

Занятия вели видный американский политолог Дэвид Трумэн, Джордж Фрост Кеннан – политический советник нескольких президентов США. А по возвращении Яковлева КГБ получил информацию, что он завербован ЦРУ [71]. Он кое-как сумел оправдаться, будто пошел на контакты с американскими спецслужбами, желая получить доступ к секретным документам. Но после столь весомого обвинения (или хотя бы подозрений) можно ли было оставлять Яковлева в центральных органах партии? Он прекрасно это осознавал, засобиравшись в родной Ярославль. Но... его вдруг вызвал подручный Суслова – заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК Ильичев. Взял в свой отдел руководить сектором по телевидению и радиовещанию! А при этом Яковлев не оставил и «научное поприще». Начал создавать собственную «команду» из молодых экономистов, социологов. В нее вошли Заславская, Левада, Грушин и др. Так же как «команда» Андропова, они сыграли заметную роль в разрушении СССР. Кстати, и сын расстрелянного руководителя «ленинградской группировки» Кузнецова стал позже ближайшим помощником Яковлева.

А между тем Хрущев своим буйным реформаторством калечил советскую экономику. Он круто погромил деревню, ликвидировав государственные МТС, «укрупняя» колхозы, запретив подсобные хозяйства. Поручил управление, упразднив министерства и заменив совнархозами. Развалил систему образования, соединяя «учебу с производством». Выдвигались лозунги догнать и перегнать Америку, построить коммунизм к 1981 г. Устраивались шумные кампании по освоению целины, «кукурузные лихорадки», мясные и молочные «лихорадки». Но все проекты Хрущева проваливались. Он довел страну до голодных бунтов. Восстание рабочих в Новочеркасске было подавлено, однако волнения охватили и другие города. Никиту Сергеевича ненавидела армия после безобразных сокращений. Своим дерганием, непрерывными ломками существующих порядков он измучил даже партийную номенклатуру.

Но он перестал удовлетворять и закулисные силы, которые изначально помогли ему высидеться и поддерживали. Дурными амбициями, личными обидами Хрущев спровоцировал Берлинский и Карибский кризисы, поставив мир на грань ядерной катастрофы. Да и народное восстание в СССР было чревато нежелательными последствиями, к власти могли выдвинуться какие-нибудь стихийные патриотические лидеры. Таким образом, в самых различных кругах, и в советском руководстве, и среди транснациональной элиты, напрашивалось однозначное решение – Хрущева надо менять.

Его и сменили. Тихо, спокойно. В рамках советских законов и партийной демократии. Заговор организовали выдвиженцы самого Хрущева – Брежнев, Шелепин, председатель КГБ Семичастный. Но за ними стоял... Суслов. На заседании президиума ЦК 13 октября 1964 г.

и на пленуме ЦК 14 октября, принявших решение об отставке Хрущева, председательствовал и задавал тон именно он. В партийной верхушке он оказался самым авторитетным. Только на первое место претендовать не стал, уступил его Брежневу.

Хотя Леонида Ильича считали временной фигурой. В Кремле боролись несколько группировок, к власти рвались «молодые» – Шелепин, Семичастный. А «серым кардиналом» оставался Суслов. Брежнев в первые годы правления не предпринимал никаких важных шагов без согласования с ним. Когда удалось лишить противников главного оружия, КГБ, снять Семичастного, Леонид Ильич еще не обладал достаточной силой, чтобы взять этот орган под собственный контроль, назначил Андропова – ставленника Суслова и Пономарева. Только в 1968 г. Брежнев заявил претензии на роль самостоятельного вождя. Вопреки мнениям самой влиятельной части Политбюро: Суслова, Косыгина, Подгорного, Пономарева – настоял на подавлении первой «бархатной революции», «Пражской весны».

Но... к этому времени Леонида Ильича уже со всех сторон окружали «аристократы духа» Андропова: Бовин, Шишлин, Арбатов, Шахназаров и др. Стали его секретарями, советниками, спичрайтерами, готовили для него документы, писали доклады. А здоровье Брежнева стало быстро ухудшаться. У него начались приступы астении, обнаружилась зависимость от сильнодействующих успокоительных. 4-е медицинское управление, обслуживавшее правительство, подчинялось КГБ. Начальник этого управления академик Чазов был личным другом Андропова. Он писал, что специально для Брежнева в лаборатории КГБ стали изготавливать «пустышки», на вид неотличимые от лекарств, с нейтральным наполнителем. Но – «пустышки» ли? Генсека посадили на успокоительные.

В политике и экономике стали происходить загадочные вещи. Против мирового диктатора США взбунтовался де Голль. Отверг доллары, перешел на золотой стандарт. Вышел из военной организации НАТО. Начал сколачивать европейский альянс в противовес США и Англии, обратился к СССР. Западный блок раскалывался! Но против де Голля были организованы выступления студентов. Полиция с ними справилась, однако подключились профсоюзы, начали всеобщую забастовку, и де Голлю пришлось уйти в отставку. Хотя во французских профсоюзах было преобладающим влияние коммунистов, контролируемых из Москвы ведомством Пономарева. Получалось – подыграли Америке?..

А на международной научной конференции по борьбе за мир американский профессор Генри Киссинджер (масон очень высокой степени посвящения, член Бильдербергского клуба, доверенный эмиссар Рокфеллеров) обратился вдруг к андроповскому «аристократу духа», директору Института США и Канады Арбатову. Передал предложение о переговорах по Вьетнаму. Тот исполнил, и завязались контакты с Вашингтоном. В дальнейшем Андропов установил постоянный неофициальный канал связи с Киссинджером через офицера КГБ Седова. Еще один такой же канал был установлен через генерала КГБ Кеворкова с канцлером ФРГ Вилли Брандтом.

В 1968 г. мировая закулисная элита создала новую организацию – Римский клуб, тесно связанный с такими центрами тайного международного управления, как Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия, Совет по международным отношениям США. Учреждался клуб в доме Дэвида Рокфеллера, а его председателем стал Аурелио Печчеи – высокопоставленный масон элитной ложи «Альпина» (в ней состоял и Киссинджер). Римский клуб декларировался как научный центр, фабрика мысли «нового мирового порядка», нацеливался на глобальное моделирование человечества, процессов его развития. Численность клуба ограничивалась 100 членами, в него вошли представители высшей политической, финансовой, культурной и научной международной элиты. Одним из членов этой организации стал академик Джермен Гвишиани – главный научный консультант Андропова и... зять Косыгина. Кстати, учениками Гвишиани стали такие «перестроечники», как Шаталин, Авен, Гайдар.

«Прогрессивные» ученые имели огромное влияние на председателя Совета министров Косыгина. Им удалось похоронить проект академика Глушкова, касавшийся централизации экономики, создания вычислительных центров, которые объединятся в Общегосударственную автоматизированную систему управления всем народным хозяйством, ОГАС. Доказывали, что она требует слишком больших затрат и времени. Правительству навязали альтернативный проект, Либермана – децентрализации, перевода экономики не на административные, а на рыночные рычаги. Хотя эта модель была тупиковой. Для дальнейшего развития она требовала не только экономических, но и политических реформ. А к чему они ведут, показали события в Чехословакии.

Ну а группа социологов и экономистов, которую сформировал Яковлев (после свержения Хрущева он возглавил Отдел идеологии и пропаганды ЦК), – Заславская, Левада, Грушин и др. – собралась в Новосибирском отделении Академии наук под руководством академика Аган-беяна. Этот центр приобрел репутацию самого передового в СССР, его расхваливали иностранцы. Он разработал «передовые» программы реорганизации сельского хозяйства. Обосновывалось, что мелкие деревни нерентабельны. Предполагалось в каждом колхозе или совхозе оставить 1–2 поселка с числом жителей свыше 1 тыс. Здесь будет развиваться высокотехнологизированное хозяйство, а 80 % населенных пунктов получались «неперспективными».

Село только-только успело оправиться от хрущевских ударов, а в 1968 г. на него обрушилась новая реформа, ликвидация «неперспективных» деревень. Причем стоит отметить – удар пришелся только по России! Планы совершенно не касались национальных республик, никто не выделял «неперспективные» прибалтийские хутора, кавказские аулы, среднеазиатские кишлаки. Результаты стали быстрыми – и плачевными. После двух реформ, хрущевской и «научной», в одном только Нечерноземье из 378 тыс. населенных пунктов уцелели лишь 20 тыс.! Деревня была фактически разгромлена. Молодежь и люди среднего возраста стали уезжать не в центральные усадьбы колхозов, а в города – переселилось 60 млн человек. Положение с продовольствием снова стало ухудшаться. Но деревня была и главным источником прироста населения! Теперь начался демографический спад.

А Брежнева его окружение нацеливало на «разрядку». Впрочем, номенклатурная элита употребляла другой термин. «Конвергенция». Подразумевалось постепенное сближение социализма и капитализма, перерастание в нечто общее. В 1972 г. состоялся «исторический» визит президента США Никсона в Москву. Были подписаны договоры о сотрудничестве СССР и Америки, об ограничении стратегических вооружений. «Дружба» налаживалась полным ходом. Ширилась торговля, обмен всевозможными делегациями, специалистами, симпозиумы, конференции, туристические поездки. Однако плоды сотрудничества на самом-то деле оказывались сомнительными.

Импортные товары подавляли советскую промышленность, хотя отечественные изделия зачастую были лучше, из натуральных материалов. Но они не могли угнаться за переменной западной модой и лежали на прилавках, а люди охотились за дорогой и яркой иностранной синтетикой. «Разрядка» помогла решить и проблему с продовольствием. С 1972 г. его тоже начали закупать за границей. По сути, Советский Союз превращался в поставщика нефти и газа для западных стран. А за «нефтедоллары» закупал импортные тряпки, ширпотреб, еду. Именно это, а не консервативность Брежнева, его нежелание идти на реформы, стало причиной «застоя».

Апофеозом «дружбы» было подписание в 1975 г. Хельсинкских соглашений по безопасности и сотрудничеству в Европе. Через 30 лет после Второй мировой войны западные державы наконец-то признали случившиеся территориальные изменения. Провозглашалось неприменение силы в международных делах, мирное решение конфликтов. Казалось бы, Советский Союз получил все, о чем он мечтал. Мир, налаживание взаимовыгодных связей, систему коллективной безопасности. Но в ответ на признание послевоенных границ нашей стране кое в чем при-

шлось уступить. В соглашения были включены обязательства о соблюдении «прав человека»... О нерушимости границ США и их партнеры быстро забудут. А вот регулировать нашу страну «правами человека» оказалось очень удобно – и трактовать «права» можно было очень широко.

«Разрядка» широко открыла двери в СССР и для западных идеологических влияний, культуры, литературы, мод, нравов, внедрения чуждых стереотипов мышления, поведения. Советские люди проникались убеждением, как хорошо жить на Западе, что там «все есть» – зарубежные фильмы демонстрировали им «земной рай». Небоскребы, огни реклам, прилавки магазинов с любой едой и напитками, рестораны. О своем хорошем при этом не думали. Бесплатное здравоохранение или образование воспринимали как должное. Привыкли. А вот «свободы» казались ох какими заманчивыми!

Запад формировал в СССР собственные «пятые колонны». Диссидентов, «правозащитников». Правда, их было очень мало. Никакой серьезной опасности для государства они не представляли. КГБ знал их наперечет. Ликвидировать их можно было одним махом, но серьезной борьбы с ними вообще не было! Оглядываясь назад и оценивая факты, историки приходят к выводу – Андропов не столько боролся с диссидентами, сколько... делал им рекламу [109]. Некоторых высылали за границу, как Солженицына. Но нетрудно увидеть – высылали именно таких, кто мог пригодиться на Западе для антисоветских кампаний (о высылке Солженицына представители Андропова предварительно договорились с ФРГ).

Можно назвать и другие факты загадочного свойства. В 1960–1970-е гг. в СССР стали подспудно развиваться националистические движения – в Прибалтике, Средней Азии, Закавказье, на Северном Кавказе. На Украине националистам покровительствовал первый секретарь компартии Шелест, при нем бывшие бандеровцы стали назначаться в районные, городские, сельские органы власти. И хотя Шелеста все же сняли, но его выдвиженцы остались. А КГБ этих угрожающих процессов как будто не замечал. Националисты гнездились под маскировкой «общественных», «культурных» организаций. Борьба с ними фактически не велась. Почему?

Глава 2

Откуда берутся предатели

Брежнев дряхлел, впадал в маразм, и самой весомой фигурой в руководстве снова становился Суслов. Но в это же время идеологическое ведомство Суслова принялось раздувать «культ личности» Брежнева. Повсюду появились его огромные портреты, транспаранты с его цитатами. Газеты, телевизионные и радиопередачи наполнились славословиями в его адрес. Посыпался натуральный «звездопад» орденов на грудь дряхлого Генсека – и оказывается, что инициатором награждений обычно выступал Суслов. Были изданы «мемуары» Брежнева, пошло их массовое «изучение», им присуждались литературные премии. Неужели авторы этих кампаний могли не понимать насколько уродливо и карикатурно они выглядят? Нет, должны были понимать. Но они порочили и карикатурили не только Брежнева, а саму советскую систему.

А в Политбюро появился Горбачев. В его биографии много темных пятен. Два его деда в свое время попали под репрессии (один как кулак, второй как троцкист). Два деда его жены тоже были осуждены как троцкисты. Но на родине, на Ставрополье, семья Михаила Сергеевича имела какие-то очень солидные связи. Он еще в школе за ударный труд на уборочной был награжден орденом Трудового Красного Знамени. С такой наградой без экзаменов поступил в МГУ. По окончании вуза неведомые покровители в Ставрополе уже ждали его, взяли на комсомольскую работу, через пять лет он стал первым секретарем крайкома ВЛКСМ, потом перешел на партийные должности. На съездах и конференциях подружился с «соседом» – Эдуардом Шеварднадзе, возглавлявшим комсомол Грузии.

Закадычным другом Горбачевых со студенческих лет был чех Зденек Млынарж.

Михаил Сергеевич называл его даже «единомышленником». В 1967 г. Млынарж провел отпуск на Ставрополье, в гостях у Горбачевых. А в 1968 г. стал главным идеологом «Пражской весны», раскручивал вместе с Дубчеком чешскую «перестройку». После ее подавления превратился в диссидента, эмигрировал в Австрию, занимался там распространением «демократических» идей на Чехословакию. Естественно, при этом взаимодействовал с западными спецслужбами. Но такие знакомства никак не отразились на карьере Горбачева. Как и его собственные «слабости». На Ставрополье его прозвали «Мишка-пакет» – за конвертики, помогавшие решать через него дела.

Возвышение Михаила Сергеевича обычно связывают с Андроповым. Действительно, Юрий Владимирович сам провел юность на Ставрополье. Из-за хронической болезни почек ездил в отпуска на здешние курорты минеральных вод, и Горбачев обслуживал его в роли радушного «хозяина». Но роль Андропова в его судьбе всячески выпячивается, а в тени почему-то остается гораздо более крупная фигура. Опять Суслов. Ведь Ставрополье было его «вотчиной». Он был здесь первым секретарем крайкома с 1939 по 1944 г. После освобождения Ставрополья от немцев формировал местные органы власти из своих ставленников. Потом секретарем крайкома стал его свояк (они были женаты на родных сестрах). Кто-то из этих ставленников Суслова покровительствовал Горбачеву в юности, когда он получил орден, когда его взяли в краевое комсомольское руководство.

Суслов тоже проводил отпуска на Ставрополье и Горбачева держал в поле зрения еще с начала 1970-х. А в 1978 г. погиб член Политбюро Кулаков. Он отвечал за сельское хозяйство, получил от Брежнева разнос за полный развал. По одной версии, злоупотребил спиртным до фатального исхода, по другой – покончил с собой. На его место Андропов предложил Горбачева. Леонид Ильич колебался, но поддержали Суслов, Громыко, и Михаил Сергеевич попал в кремлевскую верхушку.

Между тем «потепление» с Западом оказалось недолгим. США и их партнерам реальное сближение вовсе не требовалось. «Разрядка» принесла свои плоды, распахнула окна в СССР для зарубежных ветров. Но для того, чтобы сломать ветку, более эффективно не тянуть в одну сторону, а дергать в противоположные. В конце 1976 г. правящие круги США спровоцировали «охлаждение» – подняли шумиху вокруг советских диссидентов, «прав человека». А в 1979 г. президент Картер вмешался в гражданскую войну в Афганистане, начал финансировать исламистов. Его советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский в 1998 г. откровенно признался – сделали это преднамеренно, чтобы заманить в Афганистан русских.

Подыграл Андропов. Принялся доказывать – если не ввести войска, там угнездятся американцы, разместят свои базы у наших южных границ. Это было грубейшим просчетом (если не сказать иначе). Даже если бы американцы вошли в Афганистан, они бы получили там не стратегическое преимущество, а партизанскую войну. Военные специалисты были против, и Брежнев был против. Но поддержали Суслов, Пономарев, обработали Громыко, Устинова. Большинство голосов в Политбюро решение продавили. Советский Союз оказался втянутым в тяжелую и затяжную войну – а США объявили его агрессором.

Зачем это было нужно? Только для того, чтобы дополнительно измотать СССР? Пожалуй, нет. Цель диверсии была гораздо серьезнее. Обвалить дружественную и миролюбивую державу получалось слишком уж некрасиво. Другое дело – одолеть очаг «темных сил». Именно для этого СССР за 11 лет до падения потребовалось снова превратить во «врага цивилизованного мира». Чтобы он потом выглядел жалким капитулировавшим противником, а западные державы – победителями над «мировым злом».

В январе 1982 г. скончался Суслов. А Андропов, унаследовав его «команду» в верхушке и усиливая собственную, уже всю рвался к власти. Через КГБ вел «подкопы» под конкурентов, выискивал компроматы. Задел даже ближайшее окружение Брежнева, его дочь Галину, очень неразборчивую в связях. Но и Леонид Ильич, судя по всему, вознамерился убрать Андропова. Перевел его секретарем ЦК, с повышением – но отобрав КГБ. Начал демонстративные разговоры о плохом здоровье Юрия Владимировича: это было очень тревожным признаком, подготовкой почвы для отставки. А в партии Брежнев задумал реорганизацию. Ввести для себя почетный пост председателя партии, как состарившийся Мао Цзэдун, а Генеральным секретарем поставить своего друга Щербицкого. Но сделать этого Леонид Ильич не успел. 9 ноября 1982 г. скоропостижно умер. От естественных причин? Или андроповская «пустышка», выпитая на ночь, оказалась не «пустышкой»?

Во всяком случае, к смерти Брежнева Андропов оказался самым подготовленным, его «партия» в руководстве успела сорганизоваться. По звонку Чазова он первым примчался к покойному, забрал «бронированный портфель» главы государства. А друг Юрия Владимировича маршал Устинов повидался с членами Политбюро и высказал «просьбу». Избирать Андропова. Позицию министра обороны поняли. Проголосовали единогласно. Новый генсек был убежденным «западником». И ни о какой приверженности его коммунизму говорить не приходилось. Через своих советников – Гвишиани, Арбатова и др. – он давно был связан с кругами международной элиты. Но и о разрушении Советского Союза он, конечно же, не помышлял. Нацеливался на «конвергенцию», на реформы по сближению с Западом. Полагал, что это поведет к дальнейшему укреплению страны, откроет пути к быстрому и эффективному развитию.

Сразу же после прихода к власти Андропов сделал предложения по прекращению вражды, возврату к «разрядке». Выразил готовность к переговорам по выводу советских войск из Афганистана (которые сам же подтолкнул ввести туда). Заместителю начальника Генштаба Ахромееву поручил разработать проект договора о полном уничтожении ядерных арсеналов СССР и НАТО. Но... Запад протянутую руку не принял! Почему-то отказал Андропову в праве стать «другом» и «миротворцем»!

Даже наоборот, президент США Рейган перешел уже к оголтелой вражде, объявил Советский Союз «империей зла». Был дан старт новому витку гонки вооружений, программе СОИ («Звездных войн»). Последовала и провокация с южнокорейским пассажирским «Боингом» (кстати, уже не первая – аналогичная была разыграна в Карелии в 1978 г.). Самолет пустили над советскими военными базами, подставили, чтобы его сбили. Во всем мире был раздут неопиcуемый скандал. На волне этой истерии США начали размещать в Европе ракеты среднего радиуса действия «Першинг-2» и крылатые ракеты «Томагавк».

Хотя Юрий Владимирович не оставлял попыток восстановить «дружбу».

А в Советском Союзе он готовил кардинальные преобразования. Выдвигал собственные кадры – Рыжкова, Лигачева. Создал группу для разработки реформ под руководством Долгих, Рыжкова и Горбачева. К этому делу привлекли учеников из школы Гвишиани – Шаталина, Авена, Гайдара. Привлекли и «прогрессивных» ученых из гнезда Яковлева: Аганбегяна, Заславскую, Леваду, Богомолова, «аристократов духа» вроде Арбатова, Абалкина, Петракова..

Уже прозвучали термины «перестройка», «ускорение». Не было лишь третьего тезиса, который добавит к ним Горбачев, – «гласности». Гласности Юрий Владимирович никогда не любил. Он предпочитал действовать тихо, не привлекая лишнего внимания. Но подготовку реформ он отслеживал лично, Рыжков докладывал ему еженедельно – и вспоминал, как Андропов поставил ему задачу изучить тему совместных предприятий. Указал – без этого нам не обойтись [109, с. 333]. Да, иностранный капитал заведомо намечалось запустить в советскую систему экономики. А некоторые меры уже начали осуществляться. 17 июня 1983 г. был принят «Закон о трудовых коллективах». Первый шаг к будущему акционированию от имени «трудовых коллективов» – и к приватизациям. За ним последовало постановление о расширении прав предприятий. Был объявлен «экономический эксперимент» по постепенному переводу предприятий на хозрасчет.

Как видим, Андропов готовил переход к «рыночным» механизмам. Но переход плавный, под контролем партии и государства. Некий «новый нэп» – а через него к моделям капитализма. Или государственного капитализма, как в это же время Дэн Сяопин взялся реформировать экономику Китая. Но кому и как вести «перестройку», решал не Андропов. Выбор делали внешние силы. Будущего «архитектора перестройки» Яковлева Брежнев в 1972 г. выгнал из ЦК, но по заступничеству Суслова и Пономарева он попал послом в Канаду. В 1983 г. он приехал в отпуск, добился встречи с Горбачевым. Внушал, что ему, отвечавшему в Политбюро за сельское хозяйство, крайне необходимо побывать в Канаде – там можно приобрести много полезного. Очевидно, зазывал не случайно. Впоследствии заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК В. Севрук утверждал, что Михаил Сергеевич попал в поле зрения экспертов ЦРУ еще в 1971 г., когда возглавлял делегацию в Италии. Наверное, и от его чешского друга Млынаржа про него многое узнали.

Андропов считал командировку ненужной, возражал. Но Горбачев каким-то образом настоял на своем. В Канаде у него были встречи, публичные выступления, конфиденциальные беседы с Яковлевым. У премьер-министра Трюдо по протоколу предусматривался один прием. Но Горбачев побывал у него трижды! Его спутники замечали: каждый раз на встречах присутствовали разные люди. Разумеется, это были не только канадцы. Наблюдали гостя, оценивали. По итогам визита Трюдо сообщил Маргарет Тэтчер и другим западным политикам, что «на Горбачева следует обратить внимание». А сам Михаил Сергеевич, вернувшись из Канады, принялся хлопотать за Яковлева. Доказывал Андропову, что пора вернуть его в Москву, у него «такая голова»! Юрий Владимирович кивнул: «И даже не одна, а две» [8]. Уж он-то давно знал о контактах Яковлева с ЦРУ. Но к ходатайствам подключились Арбатов, другие советники, и Андропов согласился. Только указал, что в ЦК Яковлева не допустит. Что ж, нашлось другое место. Директора Института мировой экономики и международных отношений.

А между тем, здоровье Андропова стало резко ухудшаться. Его болезнь почек врачи 16 лет компенсировали сильнодействующими препаратами. Но теперь наступил предел (и опять – случайно ли?). Лекарства больше не действовали. Почки стали отказывать [109, с. 283]. Видел ли Юрий Владимирович в Горбачеве своего преемника? Вряд ли. Интеллектуал, собиравший «аристократов духа», – а тот полуграмотный хапуга, подхалим, подкаблучник. Разве такого «наследника» мог желать Андропов? Нет, в Михаиле Сергеевиче он видел только полезный инструмент. Он еще надеялся жить и властвовать сам. Однако ему становилось все хуже.

А без него на первый план выходил Черненко. Ему было 72 года, он страдал астмой. Тем не менее бывший помощник Брежнева находился еще в неплохой форме. Но затем вдруг случились две темных истории, и обе связаны с медициной. Черненко поехал в отпуск в Крым и там вроде бы отравился рыбой. Хотя ее ела вся семья, а плохо стало только ему. С большим трудом его спасли, но добавились осложнения, сердечная и легочная недостаточность. Из больницы выписался инвалид... [133] Но и Андропов поехал в отпуск в Крым. Вечером заступился, развилась флегмона. Ему сделали операцию, но неудачно. Послеоперационная рана не заживала. Юрий Владимирович стал угасать. А без него и без Черненко председательствовать на заседаниях Политбюро и Секретариата стал Горбачев...

Андропов насовсем переселился в больницу. В декабре позвонил Лигачеву, попросил побывать в Свердловске, посмотреть на Ельцина, почему-то счел его заслуживающим внимания. Выдвинуть его Юрий Владимирович уже не успел. 9 февраля умер. Но теперь-то «старика» успели организовать. К ним примкнул и Устинов – очевидно, подчиняться выскочке Горбачеву он не желал. А на похороны Андропова приехали главы государств, в том числе премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер. Мероприятия были сугубо официальными, но она проявила вдруг интерес к Горбачеву, постаралась познакомиться с ним.

Справка: кто есть кто?

Ельцин Борис Николаевич. Дед был крупным кулаком, при «раскулачивании» бежал. Отец отбывал наказание по политической статье, но освобожден досрочно за примерную работу. Сам Борис в детстве за плохое поведение исключался из школы. При неясных обстоятельствах потерял два пальца левой руки, из-за чего не попал под призыв в армию. Окончил строительный факультет Уральского политехнического института. Работал в различных организациях, возглавил строительный отдел Свердловского обкома КПСС. Характеризовался крайней грубостью, заносчивостью. Но задания начальства готов был исполнить во что бы то ни стало. Благодаря этому качеству стал в 1976 г. первым секретарем обкома. В 1977 г. выполнил тайное постановление ЦК о сносе дома Ипатьева.

При Черненко андроповские проекты реформ были свернуты. Новый генсек ставил совершенно другие задачи – образцом он считал экономические модели, создававшиеся при Сталине. Намечал реабилитировать и самого Сталина, его политику. Считал необходимым кардинально очистить сферу культуры, напрочь зараженную иностранными влияниями. Но к власти он пришел слишком поздно, тяжело больным. Вокруг него уже оказалось «все схвачено». Его указания не выполнялись. Разрабатывать новые проекты реформ по «сталинским» образцам никто и не думал. Генеральный секретарь восстановил в партии Молотова и лично вручил ему партбилет – но ни одна партийная газета об этом даже не упомянула. Меры по оздоровлению культуры вылились только в гонения на самодеятельные рок-группы, что злило молодежь.

А подготовить постановление ЦК об осуждении хрущевской антисталинской кампании Черненко решил сам во время очередного отпуска. Академик Чазов вместе с Горбачевым порекомендовали ему высокогорный курорт «Сосновый бор» на Кавказе. Очень его расхваливали. Но у астматика в разреженном горном воздухе пошло резкое ухудшение. Он даже не смог

передвигаться, понадобилась «каталка». Примчался Чазов с врачами, заявили: «Надо менять курорт» [48]. Но после этого отпуска Черненко уже не мог ходить, ему требовались кислородные аппараты. На заседания охрана приносила его на руках, и он невнятно зачитывал несколько фраз по бумажке, приготовленной помощниками. Делами стал заправлять Горбачев.

Тут как раз и из Лондона поступило приглашение от Маргарет Тэтчер: для налаживания отношений прислать в Англию делегацию от Верховного Совета СССР. Но оговаривалось: возглавить ее должен непременно Горбачев. Дело выглядело крайне важным: шаг к «разрядке»! Михаил Сергеевич, как обычно, поехал с женой. А в качестве ближайшего советника взял... Яковлева. Не имевшего никакого отношения к Верховному Совету. Тэтчер дала личную аудиенцию Горбачеву в Чекерсе. В особой резиденции премьер-министра, где принимали лишь глав государств. А Горбачев в ходе беседы сделал жест, просто ошеломивший Тэтчер. Вдруг развернул перед ней карту советского Генштаба с высочайшими грифами секретности, где были показаны направления ядерных ударов по Англии, обозначено, откуда и какими средствами они наносятся.

Горбачев пояснил: «Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее» [147]. Этот факт впоследствии подтвердили его пресс-секретарь Грачев, Яковлев и сам Горбачев [142]. Кстати, карта не могла быть подлинной. Оригинал могли выдать на руки только Генеральному секретарю, да и то со множеством формальностей. Либо у Горбачева уже и в Генштабе имелись «свои» люди, изготовившие для него неучтенную копию, либо он привез фейк. Но в любом случае Тэтчер оценила жест. Михаил Сергеевич откровенно показал, как далеко он готов пойти «навстречу» Западу. Мало того, он отдавался на волю Запада! Любое упоминание о демонстрации карты обернулось бы для него в Москве полным крахом.

Точное содержание их разговоров остается неизвестным, но в ходе визита Михаил Сергеевич еще несколько раз подтвердил репутацию «неординарного» политика. Советская делегация должна была возложить венок на могилу Карла Маркса. Но Горбачев эту миссию поручил помощникам. А сам с женой вместо кладбища отправился в одноименный универмаг Маркса, где Раиса Максимовна повышенно интересовалась ювелирными изделиями. А перед депутатами британского парламента Горбачев выступил на тему, совершенно не характерную для советского руководства: «Европа – наш общий дом». В общем, он прошел еще одни «смотрины». В 2014 г. была рассекречена переписка Тэтчер с президентом США Рейганом. Там она поставила свою оценку Михаилу Сергеевичу: «Мне он на самом деле понравился. Я уверена, что с этим человеком можно иметь дело».

Да, Михаил Сергеевич еще не был вождем партии и государства. Но уже мог себе позволить вести себя совершенно независимо. Потому что Черненко был совсем плох. 10 марта 1985 г. он скончался. Генеральным секретарем был избран Горбачев. Обращает внимание, что 11 марта, прямо в день избрания, в Нью-Йорке вышла большим тиражом брошюра с его биографией. Ни один прежний генсек такого не удостоился. Но стоит учесть и разницу во времени между Москвой и Нью-Йорком. Заседание, избравшее Горбачева, закончилось в 17:30. В Нью-Йорке было около 9:30. Чтобы брошюра в этот же день была выброшена на прилавки, ее требовалось напечатать заранее. Американские издатели уже знали – советским генсеком станет Михаил Сергеевич. Впрочем, для такой уверенности имелись весомые причины. Сейчас известны цифры, что к началу перестройки в руководящих эшелонах власти СССР было около 2200 агентов влияния Запада.

Но и почва к этому времени была уже подготовленной, разрыхленной, раскочанной. Среди советских людей было успело внедриться убеждение, что у нас «все плохо», «ничего нет», «все через задницу». А за границей – «земной рай». Среди интеллигенции (а она в СССР составляла 19 % населения!) выросло поколение циников и скептиков. Разочаровавшись в коммунизме, оно заражалось импортным ядом «общечеловеческих ценностей», охотилось за «смелыми» произведениями, за «живой» мыслью. А уж творческая интеллигенция стала

настоящим «западническим» гнойником. Хотя для культурной элиты в СССР обеспечивались весьма привилегированные условия (за государственный счет). Но режиссеры, артисты, «прогрессивные» писатели грезил о положении американских и европейских «звезд», рвались к «свободе творчества». Презирать и оплевывать «совок» (за закрытыми дверями) в этой среде становилось правилом «хорошего тона».

Очень податливой на внешние влияния оказалась и молодежь. Увлекалась иностранными модами, рок-культурой. Да и «их нравы» ох как притягивали! Ведь на Западе вовсю торжествовала «сексуальная революция», а в СССР проповедовался аскетизм, слишком откровенные кадры из фильмов вырезали, в комсомольских организациях за «аморалку» следовали строгие проработки, взыскания. Студенты и старшеклассники, силясь выделиться, выпятить свою индивидуальность, слепо копировали зарубежные образцы. Появлялись советские хиппи, панки, демонстрируя «протестный» образ мысли и поведения. А партийные и комсомольские аппаратчики и подавно ни в какие идеалы не верили. По своему складу это были такие же советские интеллигенты – но вдобавок карьеристы. Готовые переориентироваться в любую сторону ради личной выгоды.

Именно из советской интеллигенции, аппаратчиков и молодежи сформировалась ударная сила «реформаторов». Точно так же, как было в Российской империи, когда в опору оппозиционных сил превратились интеллигенция, чиновники, «прогрессивные» деятели культуры, студенты с гимназистами. Хотя в данном случае предпосылки и построения были такими же ложными. Экономика действовала исправно, никаких кризисных явлений не наблюдалось. Каждый значительный город был промышленным центром. Каждую пятилетку вводились в эксплуатацию новые мощные заводы, фабрики, электростанции. Советская наука занимала самые передовые позиции. В СССР трудилась четверть всех ученых мира! В вузах обучалось 5 млн студентов, а обучало их полмиллиона преподавателей. Осуществлялись космические программы, развивалась атомная энергетика, создавалась первоклассная военная техника, делались блестящие открытия в области физики, математики, биологии, химии. Культура и искусство рождали шедевры, до которых «свободному» Западу было далеко. А положение в сельском хозяйстве вполне можно было выправить – если выполнить брежневскую продовольственную программу.

Горбачев как будто бы начал свое правление вполне здоровыми шагами. Выдвинул лозунг «ускорения». Намечался рывок в области машиностроения, способный за короткий срок поднять благосостояние народа, преодолеть отставание в тех отраслях, где оно наметилось. Но сразу же наложился два фактора, подозрительно напоминающие интриги вокруг России в 1914 г. В те времена двумя главными источниками ее бюджета были винная монополия и экспорт хлеба. Но министр финансов (и масон) Петр Барк вместе с Государственной Думой провели вроде бы патриотическую инициативу, «сухой закон». А вступление в войну Турции перекрыло главную дорогу экспорту зерна, через черноморские порты. В итоге Россия попала в валютную зависимость от западных держав, вынуждена была заключать с ними невыгодные договоры.

«Двумя китами» советских финансов были та же самая винная монополия и экспорт нефти. Но в мае 1985 г. Горбачев развернул антиалкогольную кампанию. Она нанесла колоссальный удар по бюджету. За год поступления от пищевой промышленности сократились на 22 млрд руб. И одновременно США и Великобритания провели переговоры с Саудовской Аравией и другими арабскими странами, добились от них значительного увеличения добычи нефти. Цены на нее на мировом рынке резко упали... И особенно опасным это стало как раз в связи с горбачевским «ускорением»! В планы был заложен колоссальный «перекосяк» в сторону машиностроения. Львиную долю оборудования предстояло закупить за границей. Но с финансами получался провал. Приходилось сокращать импорт продовольствия, товаров ширпотреба. Нарастали дефициты в торговле. Финансовая система пошла вразнос.

Михаил Сергеевич озаботился и кадровыми перестановками. Возвышал собственных (и андроповских) ставленников – Рыжкова, Лигачева, Яковлева. Не была забыта и рекомендация Андропова «посмотреть» Ельцина. К нему в Свердловск ездил Лигачев. Он, как вспоминал Горбачев, «оттуда аж ночью звонит, не выдержал: „Михаил Сергеевич, это наш человек! Надо брать его!“» Ельцина перевели в Москву, вскоре он возглавил столичную парторганизацию. А министр иностранных дел Громыко всегда выступал покровителем Горбачева. Но его как бы повысили. Михаил Сергеевич выдвинул его на должность председателя президиума Верховного Совета СССР. Хотя в Советском Союзе этот пост традиционно был чисто представительным, без всякой реальной власти. А министром иностранных дел Горбачев провел своего давнего приятеля Шеварднадзе. Для многих это оказалось полной неожиданностью – Шеварднадзе никогда не имел отношения к дипломатии и даже ни разу не был за границей.

Но Михаил Сергеевич знал, что делал. Посыпались его инициативы во внешней политике. США продолжали устанавливать свои ракеты в Европе. А Горбачев, наоборот, объявил мораторий на размещение ракет средней дальности в европейской части СССР. В одностороннем порядке. Потом последовал еще один мораторий – на ядерные испытания. Снова в одностороннем порядке. И, в отличие от Андропова, Михаила Сергеевича признали партнером, достойным диалога. Состоялись его личные встречи с Рейганом в Женеве, в Рейкьявике.

И вот здесь стоит задаться неожиданным вопросом. А когда Горбачев получил... масонское посвящение? Первое известие о его принадлежности к масонству было опубликовано немецким малотиражным журналом «Мер Лигхт» 1 февраля 1988 г. [96]. Но на встрече Горбачева с Рейганом в Рейкьявике в 1986 г. фотоснимки журналистов зафиксировали особое, ритуальное масонское рукопожатие. Такое же рукопожатие попало в кадр при встрече Михаила Сергеевича с телевизионным проповедником Робертом Шуллером. Значит, в ряды «вольных каменщиков» он был принят где-то раньше. В Англии, когда гостил у Тэтчер? Или в Канаде? Или еще раньше?

Учитывая это обстоятельство, стоит ли удивляться особенностям его правления? В СССР сказывались последствия антиалкогольной кампании, падения мировых цен на нефть. Доходы бюджета провалились. «Замораживались» стройки начатых объектов. И даже то оборудование, которое уже приобрели для модернизации машиностроения, оказывалось бесполезным. Часть купили, а на наладку и вспомогательную аппаратуру не было средств... Дорогие машины и станки сваливались на складах, ржавели. Для закупок продовольствия и ширпотреба страна влезала в долги к западным державам.

В ответ на требования Рейгана о «правах человека» Горбачев реабилитировал диссидентов, из лагерей и ссылок освободили 140 человек (их больше и не было). А сразу после встречи в Рейкьявике пошла сдача позиций по всем направлениям. Политбюро приняло постановление о выводе войск из Афганистана. Верховный Совет принял закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», легализовавший частный бизнес. За ним последовало постановление о создании в СССР совместных предприятий с участием иностранцев. А пленум ЦК провозгласил «триединую» формулу: «Перестройка – ускорение – гласность».

Это еще не подразумевалось отказом от социализма. Напротив, поучали, что партия возвращается к «истинному ленинизму», который якобы порушил Сталин. Притянули за уши статью Ленина «О кооперации», и был дан старт созданию частных кооперативов. Расширялась «демократия», на заводах начали избирать директоров. Народ приучался высказывать претензии, требовать, митинговать. При этом выдвигались «правдолюбцы», демагоги, «общественники».

Вот тут-то оказались востребованы «прогрессивные» экономисты, «реформаторы». Гайдара Яковлев поставил заведовать экономическими отделами сразу двух главных партийных изданий – журнала «Коммунист» и «Правды». Редакцию журнала «Вопросы экономики» возглавил еще один убежденный «западник», Гавриил Попов. Именно он придумал и запустил

в обиход термин «командно-административная система». По самому звучанию сразу чувствуется – плохая, грубая, кондовая. А ей противопоставляется «рыночная», стало быть, хорошая. Кооперативы породили волну махинаций и махинаторов, здесь проявились и начали набирать вес Гусинский, Березовский, Ходорковский, Абрамович...

В мае 1987 г. последовала темная история с перелетом Руста, давшая Горбачеву повод поспинимать с постов всю верхушку военного командования во главе с министром обороны Соколовым. Началось разрушение Вооруженных сил. Что же касается «триединой формулы», то «ускорение» явно провалилось, о нем больше не вспоминали. «Перестройка» от «ускорения» повернула на единственные рельсы: «гласности». Ею руководил Яковлев. В СМИ хлынул поток «острых» откровений, всевозможного негатива, скандалов. На советских людей, совершенно не имевших иммунитета к подобным материалам, это действовало оглушающе. Сбивало с толку, мutilo сознание.

Главной мишенью, как и при Хрущеве, был выбран Сталин. Из него делали козла отпущений во всех бедах Советского Союза. В качестве сенсаций бросывались

роман Рыбакова (Аронова) «Дети Арбата», пьеса Шатрова (Маршака) «Дальше, дальше, дальше!», фильмы «Покаяние», «Холодное лето пятьдесят третьего». Политбюро создало комиссию по реабилитации «жертв репрессий» – заправлял в ней Яковлев. И на этот раз, в отличие от хрущевской «оттепели», реабилитация была гораздо глубже, дошла до политической оппозиции, до агентов влияния в советском правительстве, связанных с масонской и финансовой «закулисой»: Бухарина, Зиновьева, Каменева, Радека, Сокольникова и прочих «оборотней». Да и сама политика Советского Союза при Сталине выставилась неправильной и преступной. Но пошло и охаивание эпохи Брежнева, внедрялся штамп «застой». Успехи отрицались, неудачи выпячивались. Людей подталкивали к представлению, что вся прежняя система прогнила, ни на что не годилась. А Запад получался примером для подражания.

В мае 1988 г. в Москву пожаловал Рейган. На вопрос журналистов, продолжает ли президент видеть в СССР «империю зла», он ответил со скалзубой американской улыбкой: «Нет. Я говорил о другом времени, другой эре». Да, эра становилась другой. По просьбе Горбачева Рейган даже выступил перед студентами и преподавателями МГУ, поучал их ценностям «демократии» и «свободных рынков». И его приветствовали в качестве некоего «высшего» учителя. Да и сам Горбачев охотно следовал таким урокам. Вскоре он одним махом отправил на пенсию Громыко и других «стариков», еще оставшихся в руководстве. Развязал себе руки для следующего этапа реформ. Было принято постановление об акционировании предприятий. В СССР стали возникать частные банки. Но в воротил бизнеса начали превращаться и высокопоставленные советские чиновники, те же самые «прогрессивные» экономисты. За счет государственных ресурсов появлялись «Инкомбанк», «Автобанк», «Альфа-банк», «ВТБ», концерн «Газпром»...

Глава 3

Как обрушить сверхдержаву?

Главные центры «мировой закулисы»: Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия, Римский клуб, Совет по международным отношениям США – держали процессы в СССР под пристальным вниманием. В 1987 г. они создали свой прямой канал в Москве, «Фонд Сороса – Советский Союз», позже преобразованный в советско-американский фонд «Культурная инициатива». В число активистов «Фонда Сороса» вошли один из помощников Яковлева Афанасьев, главный редактор журнала «Знамя» Бакланов, академик Лихачев, всегда создававший себе имидж «патриота», но примыкавший к либеральным диссидентам. Вошла и Заславская, погубившая своими программами русскую деревню. Теперь она со своими соратниками Грушиным, Левадой создала и возглавила Всесоюзный центр изучения общественного мнения. Точнее – создания «общественного мнения». Кто же, если не сам центр, оценивал, какое мнение «общественное», а какое нет?

15 января 1988 г. в «Правде» по указанию Горбачева и Яковлева была опубликована статья «Мировое сообщество управляемо». Написал ее андроповский «аристократ духа» и советник Михаила Сергеевича Георгий Шахназаров. А в статье он изложил основы глобалистской идеологии масонов, фактически пересказал основные установки Бильдербергского клуба, Трехсторонней комиссии и других центров «закулисы». Обосновывал полезность «мирового правительства», которое бы управляло и регулировало процессы в разных странах.

Что ж, теперь и Советский Союз становился «управляемым». Переговоры между нашей страной и США об ограничении ракет средней и малой дальности безрезультатно тянулись семь лет. Потому что Америка старалась надуть русских, навязать неравные условия, и найти компромисс не получалось. Но сейчас в Вашингтон полетел Шеварднадзе и все «согласовал». Хотя условия договора оказались совершенно жульническими. США уничтожили 846 своих комплексов, а СССР – 1846! На тысячу больше! Англии и Франции, также имевших ракеты, договор вообще не коснулся.

А в декабре 1988 г. Горбачев выступил в ООН с «Программой ослабления противостояния», вызвавшей на западе бурные восторги. Дело в том, что в Европе силы НАТО имели значительное превосходство. Но Михаил Сергеевич объявил, что СССР начинает разоружение в одностороннем порядке. Сокращает армию на 500 тыс. человек (на 10 %). Сокращает 10 тыс. танков, 8500 стволов артиллерии, 800 самолетов. И в первую очередь это должно было коснуться советской группировки в Восточной Европе, на самом опасном направлении. США и их союзники никак не ожидали столь щедрого подарка. Потому что сами-то они разоружаться не собирались. Удар был нанесен и по оборонной промышленности – военные заводы всегда были в СССР лучшими, получали новейшее оборудование, в них вкладывались колоссальные средства. Теперь провозглашалась «конверсия». Предприятия требовалось останавливать, переводить на выпуск «мирной» продукции. Но что мог производить танковый или артиллерийский завод? Металлическую посуду?

15 января 1989 г. Советский Союз подписал «Венскую конвенцию». А это был очень важный документ в проектах масонской глобализации. Страны, заключившие «Венскую конвенцию», признавали приоритет международных законов над государственными. Международные организации получали право контролировать их «политику и практику». По сути, СССР соглашался на ограничение собственного суверенитета! И буквально на следующий день, 16 января, в Москву пожаловала чрезвычайно представительная делегация от Трехсторонней комиссии! Одного из главных центров «закулисы». Ее возглавлял председатель этой организации Дэвид

Рокфеллер. С ним прибыли лучший теневой дипломат США Киссинджер, Бертран, Жискард д'Эстен, Накасонэ, Хайленд.

С ними подписали некое неопределенное «соглашение о совместной деятельности», мало кому понятное. Но речь шла о принятии СССР в «мировое сообщество»! Для этого Трехсторонняя комиссия выдвинула два условия. Первое – отказ от Восточной Европы. Второе касалось отношений со странами «третьего мира». Советский Союз в течение десятилетий помогал в экономической и военной областях многим государствам Азии, Африки, Латинской Америки. У них накопились колоссальные долги, 150 млрд долл. Но возникла и финансовая, политическая зависимость, поддерживалась система, дружественная СССР. Делегаты Трехсторонней комиссии указали, что для вступления Советского Союза в «мировое сообщество» эти особые отношения с развивающимися государствами станут проблемой. Отсюда вытекало требование – списать все долги [94].

Горбачев согласился. Под предлогом гуманных соображений – улучшить жизнь стран «третьего мира», дать им поблажку. Астрономическая сумма вовсе не личных, а народных денег, которые вкладывалась в помощь «дружеским» правительствам (и за которую они расплачивались товарами, которая обеспечивала их привязку к Советскому Союзу) одним махом была выброшена в никуда!.. Зато Горбачев за такую уступчивость был обласкан, принят в члены Трехсторонней комиссии. А в СССР появилось отделение ложи «Бнайт Брит» (которой руководил Киссинджер) [96].

Было выполнено и условие об отказе от Восточной Европы. Начался вывод советских войск из стран Варшавского Договора. Прозвучали заявления Горбачева о праве этих государств самим определять свой политический строй, о невмешательстве в их жизнь – и тут же прокатилась цепь «революций», отлично подготовленных западными спецслужбами. Где-то они инициировались «снизу», где-то «сверху», через «перестройщиков» в руководстве, где-то через изменивших генералов. Английский политолог Тимоти Гартон-Эш цинично комментировал, что «революция» в Польше «заняла 10 лет, в Венгрии – 10 месяцев, в Восточной Германии – 10 недель, в Чехословакии – 10 дней, в Румынии – 10 часов» [55].

Но и в СССР «демократия» стала выходить из-под контроля. Массовое сознание замутилось и запуталось. Причем первыми заявили о себе патриоты. Их было гораздо больше. В мае 1987 г. движение «Память» впервые провело в Москве несанкционированную демонстрацию. Но выступило в поддержку перестройки! Против ее «саботажников»! Активистов «Памяти» принял первый секретарь Московского горкома КПСС Ельцин, внимательно выслушал, обещал учесть их пожелания! Они окрылились – и при этом Ельцин приобрел репутацию настоящего «патриота». Впрочем, и «демократа» одновременно, в мешанине 1987 г. эти понятия еще не противопоставлялись. Но «Памятью» сразу занялось 5-е управление КГБ генерала Бобкова, и за пару лет она развалилась, разделилась на десяток организаций.

А вот диссидентские, «правозащитные» движения, националистические «Народные фронты» получали помощь, финансирование из неведомых источников. Раскол произошел даже внутри КПСС. Ельцин зазнался, занесся. Завязал борьбу со своим прежним покровителем Лигачевым. И в этой грызне Бориса Николаевича активно подзуживал Яковлев (который и сам копал под Лигачева). Понадеявшись на его поддержку, Ельцин на пленуме ЦК резко выступил против своего оппонента, выставя его «тормозом перестройки», позволил себе критику самого Горбачева. Но такое Михаил Сергеевич ему не простил (а Яковлев увильнул, перекинулся на сторону Горбачева и Лигачева). Ельцина разгромили в пух и прах. Он спохватился, жалко каялся, но был снят со всех постов.

По советским канонам это означало «политическую смерть». Однако времена были уже другие. В народе кто-то принялся распространять фальшивые тексты «выступления Ельцина», ничего общего не имевшие с настоящим. О нем запустили славу, будто он стоял «за народ» и за это пострадал. Вокруг него стало формироваться новое окружение, направлявшее самого

Ельцина. В 1989 г. в рамках строительства «правового государства» Горбачев учредил новый орган, Съезд народных депутатов. Выборы в него должны были стать демократическими, обязательно на альтернативной основе. И этот Съезд должен был избрать новый Верховный Совет. Тоже «демократический». Разумеется, во главе с Горбачевым.

Но в ходе избирательной кампании сформировался и мощный оппозиционный блок, Межрегиональная депутатская группа, в которой организаторы постарались объединить самые несовместимые и разнородные фигуры: от диссидента Сахарова до обиженного партократа Ельцина. Связал их между собой Гавриил Попов. Впрочем, было еще кое-что, связавшее их. При Межрегиональной группе сразу же пристроилась целая когорта иностранных консультантов! Сотрудник американского стратегического исследовательского центра «РЭНД Корпорэйшн» Рар, сотрудник Национального фонда демократии США Померанц, сотрудник Национального института демократии США Макфол (будущий посол в России), сотрудник Гуверовского института Данлоп, заведующая отделом правозащитной организации «Хьюман Райтс Вотч» Кэтрин Фитцпатрик, член «Международной лиги по правам человека» Клайн, известный советолог Ремингтон, несколько сотрудников Центра Вудро Вильсона и др. [2].

Известно и то, какие организации начали финансировать Межрегиональную группу: Фонд Форда, Фонд Карнеги, Фонд Рокфеллера, Фонд свободного конгресса по содействию образованию и науке (дочерняя структура Национального фонда демократии США) и еще целый ряд «благотворительных» структур [26]. На заокеанские деньги при Межрегиональной группе была создана школа подготовки кадров для реформ экономики, из нее выходили будущие чиновники. Одновременно активизировалось посольство США в Москве. Посол Д. Мэтлок вспоминал, что в его резиденции Спасо-Хаус образовался своеобразный клуб, почти ежедневно приходило по 10–20 гостей на завтраки, обеды, концерты, выставки. В общем, точно так же, как в резиденцию британского посла в Российской Империи Бьюкенена перед революцией 1917 г.

Сам Мэтлок вспоминал, что и в провинции стала создаваться сеть «пунктов влияния»: «Я предложил открыть несколько небольших учреждений со штатом из 4–5 американцев в каждом большом городе, в административных центрах регионов. От них требовалось: следить за развитием событий и обозначать присутствие США». Как видим, деятельность оппозиции налаживалась на очень солидной (и отнюдь не отечественной) основе. Непосредственно курировать Ельцина было поручено советнику президента Буша Джеймсу Гаррисону – в СССР он выступал под личиной представителя института Эсален (занимающегося гармоничным развитием личности). Борис Николаевич с супругой бывал на обедах у Мэтлока, в сентябре 1989 г. ему устроили поездку в США.

Правда, он оскандалился, постоянно появлялся на публике вдребезги пьяным. Невзирая на это с ним неофициально встретился президент Джордж Буш. Его приняли и в Совете по международным отношениям США. Присутствовал председатель Совета Дэвид Рокфеллер (одновременно президент Трехсторонней комиссии, полгода назад благословлявшей Горбачева). Были и члены Совета – представители банков «Бэнк оф Америка», «Морган», «Сити-групп», «Дойче банк», концернов «Боинг», «Бритиш Петролеум», «Форд Мотор», «Де Бирс», «Дженерал Электрик» и др. Также Ельцин удостоился встреч со Збигневом Бжезинским, директорами и президентами фондов Форда, Сороса, Карнеги, Рокфеллеров. Как видим, «смотрины» Борису Николаевичу устроили по самой высокой категории. И оценили его как фигуру перспективную [94].

Да, США и их партнеры применили такую же схему, как в 1917 г. Ступенчатый снос державы. Горбачев добросовестно отработывал американские заказы, надеясь сохранить под своей властью Советскую державу – которая войдет в «мировое сообщество». Но ему на смену присмотрели Ельцина. Оценили его амбиции, беспринципность, политическую безграмотность.

Оценили и пьянство. Сочли, что для дальнейших планов в отношении России такой «вождь» как раз подойдет.

В одном из последующих интервью А. Н. Яковлев признался, что «перестройкой» он и его соратники ломали не только коммунизм, но тысячелетнюю модель русской истории. Это вполне согласуется со словами Бжезинского – борьба велась не против СССР, а «против России и русского духа». В «перестроечных» СМИ вовсю оплевывалась не только Советская, но и Российская Империя – ее достижения, ее Цари, полководцы, государственные деятели. Людям навязывалась картина, что в России ничего хорошего не было никогда. Ни при Царе. Ни при Советской власти. Дикость, темнота, воровство. Ни одного светлого образа для подражания. Все победы и свершения – лишь выдумки «официозной пропаганды».

«Гласность» сломала не только политическую цензуру. Нравственную тоже. Глушилась и расшатывалась советская (и русская) мораль. Журналы и газеты запестрели откровенными снимками девиц, манили «желтыми» публикациями на интимные темы, скатываясь до откровенной порнушки. Пикантные зрелища прорвались на экраны кино, телевидения, на эстрадные и театральные подмостки. Преподносились как высшие достижения «свободы творчества». Внедрялись и «солидные» обоснования о «культуре секса», необходимости «духовного раскрепощения», преодоления «пережитков» застойных времен, «ложного аскетизма».

А в это же время по окраинам СССР забушевали националистические движения. Получая солидное финансирование, они брали верх на выборах в Верховные Советы республик. Начались межнациональные драки. Между армянами и азербайджанцами – за Карабах. Между грузинами и абхазами, осетинами. Организовывались провокации с массовыми манифестациями, беспорядками и погромами – чтобы вмешались войска и милиция, чтобы пролилась кровь, разжигая рознь и озлобление. Такие столкновения происходили в Алма-Ате, Баку, Ереване, Тбилиси, Вильнюсе, Риге. Причем и российская «демократическая» оппозиция, и перестроечные СМИ неизменно принимали сторону сепаратистов, гневно возмущались против применения силы. Поливали грязью солдат и милиционеров, исполнявших свой долг, клеймили их «палачами», «душителями свобод». Об отделении от СССР стали заявлять Эстония, Латвия, Литва, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан.

Экономика окончательно забуксовала. В 1989 г. по инициативе Горбачева были изменены таможенные правила, и пошел вывоз золота из Советского Союза. Оно текло по государственным каналам в обмен на кредиты. Начались и крупные теневые спекуляции со скупкой золота и перепродажей за рубеж. Но займы и выручка от золота растекались в неизвестных направлениях. А в СССР «кооператоры» скупали дешевые и качественные товары и тоже перепродавали за границу. Полки магазинов опустели. На продукты питания пришлось вводить талоны (потому что и продукты скупали, продавали по спекулятивным ценам на рынках, в кооперативных кафе и ресторанах). Начались забастовки шахтеров. Причины-то были бытовыми, экономическими. Но... забастовщиками умело манипулировали. Все надежды они связывали с Ельциным.

Его имя раскручивалось в качестве вождя, грядущего спасителя! Это выглядело бы странно, глупо, парадоксально... если не учитывать американских «пунктов влияния», устроенных по регионам.

Ну а для Горбачева пришла пора отбросить фиговые листочки, которыми он до сих пор прикрывал свои реформы – «совершенствования социализма», возврата к «ленинскому курсу». Потому что дальнейшие преобразования уже никак нельзя было подтасовать к «ленинизму». В феврале 1990 г. Верховный Совет как будто «по воле трудящихся» упразднил 6-ю статью Конституции СССР, о «руководящей и направляющей роли КПСС». Началось принятие законов совсем не коммунистических – о разных формах собственности, о частных хозяйствах. А для себя Горбачев решил обеспечить другое правящее кресло, более «цивилизованное». На III Съезде народных депутатов СССР были приняты поправки к Конституции,

в стране вводились многопартийная система и пост президента. 15 марта 1990 г. на этот пост был избран Горбачев (сохранив за собой и пост генерального секретаря ЦК).

Но куда ему было угнаться за оппозицией! На республиканском уровне тоже забурлили выборы, и был созван еще один Съезд народных депутатов, уже не СССР, а РСФСР. А на нем большинство мандатов сумело получить движение «Демократическая Россия», созданное на базе оппозиционной Межрегиональной группы. Ельцин стал председателем Верховного Совета РСФСР. А вдобавок съезд принял декларацию о государственном суверенитете РСФСР! Провозглашалось, что отныне российские законы имеют приоритет перед общесоюзными! И по всей стране покатились «парады суверенитетов». Декларации о суверенитетах стали одна за другой принимать союзные республики и даже автономные – Татарстан, Башкирия, Карелия, Коми, Удмуртия, Якутия, Бурятия, Адыгея и др. Дошло до того, что и Иркутская область объявила себя «суверенной»! А Ельцин всячески поощрял этот процесс, разъезжая по регионам. В Башкирии он поучал: «Берите столько суверенитетов, сколько сможете проглотить».

По сути, Борис Николаевич откровенно разваливал государство. Но... и Горбачев делал то же самое! Теневые режиссеры разрушения СССР сумели создать уникальную ситуацию. Советских людей ставили перед выбором... между предателями. И если Ельцина регулировали американские консультанты и советники, то и его противников регулировали США. Председатель КГБ Крючков вспоминал, что с 1989 г. стали поступать новые подтверждения о связях Яковлева с ЦРУ – не давних, а уже нынешних. Маршал Ахромеев сообщал, что аналогичными сведениями располагала военная разведка. Но когда Крючков доложил Горбачеву, тот запретил проверку [48, 64].

Еще бы не запретить, если на американцев работал не только Яковлев. Шеварднадзе подписал с госсекретарем США Бейкером соглашение о разделе акватории Берингова моря. Богатые рыбные промыслы и нефтяные месторождения на шельфе почти целиком отдал США. За объединение Германии Запад готов был пойти на списание многомиллиардных долгов, выплатить компенсации за советские объекты в ГДР, дать гарантии, что НАТО не будет распространяться на Восток. Но... Горбачев и Шеварднадзе не потребовали ничего! Слились просто так. Зато через две недели после этого Горбачеву была присуждена Нобелевская премия мира.

А в ноябре 1990 г. в Париже был заключен Договор об обычных вооруженных силах в Европе – который предусматривал равное количество войск и боевой техники между странами НАТО и Варшавского договора. Но и этот договор был заведомо жульническим! Вместе с СССР учитывались армии и вооружение Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Румынии – а они уже не были нашими союзниками, вскоре они потянутся в НАТО! Но такую «неувязочку» проигнорировали, насчитали, что у советской стороны большое преимущество. По договору нашу армию опять стали кардинально сокращать, 20 тыс. единиц бронетехники было отправлено на переплавку.

Все реформы непосредственно отзывались и на жизни простых советских граждан. Парад суверенитетов привел к тому, что республики переставали отчислять деньги в бюджет СССР. Нехватка денег вызвала систематические задержки или невыплаты зарплат. Народ митинговал в политических бурях, а урожай на полях остался необранным. Рушились хозяйственные связи, останавливались предприятия. Если прежде в СССР вообще не было безработных, то в 1990 г. их насчитали 2 млн. Появилось и такое понятие, как «бомжи». 1 ноября 1990 г. Горбачев издал указ «О введении коммерческого курса рубля к иностранным валютам», что открыло дорогу и инфляции, и спекуляциям. А 1 июля 1991 г. был принят закон о приватизации предприятий. Впрочем, скрытое растаскивание государственной собственности уже велось всюду – теперь его легализовали.

Однако и патриотические силы были еще весомыми, влиятельными. Многие общественные и партийные деятели били тревогу, что государство находится на грани распада. В декабре

1990 г. на IV Съезде народных депутатов СССР было принято постановление: провести общенародный референдум о сохранении Советского Союза. Но вмешался... Горбачев. Он как будто бы поддержал предложение. Только смягчил формулировку. Вместо сохранения прежнего СССР будущая держава оговаривалась как «обновленная федерация равноправных суверенных республик».

Этот референдум состоялся 17 марта 1991 г. Но шесть республик – Эстония, Латвия, Литва, Молдавия, Грузия и Армения – его бойкотировали. Впрочем, в Молдавии за сохранение единой державы голосовало Приднестровье, в Грузии – Абхазия и Южная Осетия. В Прибалтике многие люди шли на избирательные участки, созданные при воинских частях. В целом же в голосовании приняли участие 148,5 млн человек (79,5 % от числа граждан с правом голоса). Из них 76,43 % ответили «да» существованию Союза. И характерно, что в самых обработанных оппозицией городах, Москве и Ленинграде, за СССР проголосовало лишь около половины граждан, а Свердловск совсем «отличился», за сохранение Союза высказалось 34,17 % избирателей.

Но ведь и в самом референдуме был сокрыт два подводных камня. Один горбачевский – голосовали-то не за прежний СССР, а за «обновленную федерацию равноправных суверенных республик». Предстояло заново договариваться, какой она будет. Для выработки условий начался «Новоогаревский процесс». В подмосковной резиденции Горбачева Ново-Огарево представители девяти союзных и ряда автономных республик принялись обсуждать новый союзный договор. Спорили даже о том, как будет называться государство – Союз Суверенных Государств? Союз Советских Суверенных Республик?

А второй подводный камень был ельцинский. В РСФСР в бюллетени для референдума был внесен еще один вопрос: о введении поста президента Российской Федерации. Граждане высказались «за», и сразу разыгралась очередная избирательная кампания. Ельцин стал уже не председателем Верховного Совета РСФСР, а президентом РСФСР. Американцы потом не скрывали, что поддерживали его избрание мощным финансированием [105]. Одновременно прошли выборы в Москве и Ленинграде, Попов и Собчак из председателей горсоветов превратились в мэров. И опять покатила цепная реакция. Лидерам других союзных и автономных республик тоже захотелось стать президентами! Городские руководители потянулись к титулам мэров, областные – губернаторов, исполкомы преобразовывали в «правительства», отделы исполкомов – в «министерства». Но при этом задирались до небес и амбиции новоявленных президентов, губернаторов, министров. Переговоры в Ново-Огарево за цикливались до бесконечности. Проекты союзного договора, которые были уже согласованы, приходилось переделывать. Всплывали все новые претензии то со стороны Ельцина, то Украины, то еще чьи-нибудь.

17 июля в Лондоне состоялось совещание «Большой Семерки» – США, Англии, Франции, Германии, Италии, Канады и Японии. Впервые на встречу ведущих мировых держав был приглашен Советский Союз! Это рекламировалось как величайший успех Горбачева и его политики. Нас признали «равными», семерка превращалась в «восьмерку»! Столь высокое доверие Запада Михаил Сергеевич постарался оправдать. В Москву пожаловал президент Буш, и 31 июля Горбачев подписал с ним Договор о сокращении стратегических вооружений. Теоретически он выглядел «равноправным». Но на практике это была еще одна односторонняя сдача. Министр обороны Язов вспоминал: «Нам пришлось сократить раз в сто больше ракет, чем им. У американцев было всего штук 50 „Атласов“, попадающих под этот договор, они их уничтожили... У нас же было шесть ракетных армий, которые надо было сокращать по этому договору!»

Однако эпоха Горбачева уже подходила к концу. Не исключено, что как раз после подписания договора теневые режиссеры сочли: Михаил Сергеевич выполнил все, что мог. Пора менять его. Он еще председательствовал в Ново-Огарево. Было объявлено, что 20 августа 1991 г. состоится подписание договора о «Союзе Суверенных Государств». Хотя это было бле-

фом. Подписать согласились всего три республики, РСФСР, Казахстан и Узбекистан, остальные выдвигали возражения. Но Горбачев отправился отдохнуть в Крым, и... разыгрался «путч ГКЧП».

Все факты говорят о том, что никакого путча на самом деле не было. Была всего лишь провокация. Еще в марте Горбачев создал Совет безопасности, куда вошли вице-президент Янаев, премьер-министр Павлов, главы силовых ведомств и еще ряд руководителей. Те же самые лица, оказавшиеся в составе ГКЧП. Тогда же, в марте, прорепетировали ввод войск в Москву с запретом любых митингов – и вывод войск, когда массовые митинги все равно начались. От Горбачева вдруг отошли его ближайшие соратники, Яковлев и Шеварднадзе. Переметнулись к оппозиции.

19 августа Михаила Сергеевича, как потом внушали людям, изолировали в его крымской резиденции, в Форосе. По телевидению, по радио прозвучало обращение, что в целях преодоления кризиса власть на себя берет Государственный комитет по чрезвычайному положению, ГКЧП. Но впоследствии Павлов проговорился, что Горбачев «был в курсе всего происходящего». В своих показаниях это подтвердили и другие руководители «мятежа» [79]. Расследование установило, что и никакой изоляции президента не было, у него осталось несколько каналов связи.

А Ельцин лежал пьяный на даче в Архангельском. Его запросто могли устранить или арестовать. Но спецназ «Альфа» получил приказ не трогать Бориса Николаевича, только охранять дачу. Ельцин свободно выехал в Москву, добрался до Белого дома. И лишь через полчаса после этого, дав ему проехать, в столицу стали вводить войска. Их просто поставили на улицах в указанных местах, они свободно пропускали толпы людей. Телефоны отключены не были. Лидеры оппозиции свободно связывались с единомышленниками. На телевидении как будто бы установили строжайшую цензуру. Но «случайно» показали в программе «Время» эффектейшую картинку – Ельцин на танке призывает людей к сопротивлению. Прямо как Ленин на броневике!

Массы народа потекли к Белому дому, принялись строить баррикады, формировать отряды ополченцев. Военные, уже разложенные «демократией» и имеющие все основания ненавидеть прежнюю власть, тоже симпатизировали Ельцину. А командующий ВДВ Грачев подсуетился пристроиться к нему – послал на помощь отряд генерала Лебеда. У Белого дома собралось 100 тыс. человек. Штурмовать его никто не собирался, таких приказов не отдавалось. Кстати, об отсутствии опасности можно было догадаться по составу защитников. Среди них очутились Шеварднадзе, Ростропович, Макаревич, Кинчев, Ходорковский, Евтушенко, Никита Михалков, вице-мэр Москвы Лужков даже привел свою беременную жену Батурину.

Но передачи «Би-би-си» и «Эха Москвы» взвинчивали обстановку, вбрасывая слухи о готовящихся штурмах. В накаленной атмосфере ночью произошла трагическая случайность. Колонна БМП, направленная на патрулирование, наскочила на баррикады у пересечении Садового кольца с Новым Арбатом. Защитники приняли ее за атакующих, пытались поджечь БМП, в столкновении трое погибли. Но на следующий день, 21 августа, ГКЧП отдал приказ о выводе войск и сложил с себя «полномочия». «Путчисты» полетели к Горбачеву. Как свидетельствовал Крючков в письме Михаилу Сергеевичу: «К Вам поехали с твердым намерением доложить и прекращать операцию». А люди ликовали. Праздновали по всей Москве. Зачем-то снесли памятник Дзержинскому. На радостях обнимались, поздравляли друг друга с победой... Не задумываясь, чьей победой. И над кем, над чем. Членов и активистов ГКЧП арестовывали, предъявили обвинение в измене. Но в итоге их даже судить не стали. Подержали под следствием и выпустили по амнистии.

Зато прокатилась «эпидемия» загадочных самоубийств. Министр внутренних дел Пуго и его жена были найдены якобы застрелившимися. Хотя следствие почему-то обнаружило «лишнюю» стреляную гильзу, а пистолет лежал далеко от них, на тумбочке. Маршал Ахро-

меев якобы повесился. Причем тесемка, на которой он удавился, оборвалась, и он «вешался» вторично. Или вешали. Вполне вероятно, что Пуго и Ахромеев знали «слишком много». С балкона пятого этажа якобы выбросился управляющий делами ЦК КПСС Николай Кручина. Руководитель главной канцелярии, через него проходили финансовые дела партии. За ним, и точно так же, с балкона, последовал предшественник Кручины на этой же должности, Георгий Павлов. А потом из окна своей квартиры «выбросился» еще один, заместитель заведующего Международным отделом ЦК Дмитрий Лисоволик.

А массы людей, ринувшиеся на защиту «демократии» и торжествовавшие «победу», стали лишь статистами грандиозного шоу – поставленного очень грамотными режиссерами. Был ли автором Горбачев? Вряд ли. Скорее, соавтором или действующим лицом, которого подвели к этому сценарию другие силы, оставшиеся в тени. Мощная встряска порушила инерцию привычной жизни Советского Союза. Он посыпался, как карточный домик. Республики одна за другой принялись провозглашать независимость от СССР.

Наступила агония великой державы. Горбачев объявил «переходный период» – до подписания нового Союзного договора. На этот период создавались временные органы власти. Деятельность КПСС была приостановлена. ЦК «самораспустился». Сломали и КГБ, преобразовали в Межреспубликанскую службу безопасности. Одним из первых актов «переходной» власти стало признание независимости и выхода из СССР Эстонии, Латвии и Литвы. Да еще бы Горбачеву не раскланяться перед прибалтами, если их независимость сразу признали США? Правда, старший помощник Генерального прокурора Виктор Илюхин возбудил против Горбачева уголовное дело по статье 64, «измена Родине» – поскольку предоставление независимости трем республикам противоречило всем законам. Но генеральный прокурор Трубин дело закрыл, Илюхина уволил.

А Ельцина провокация ГКЧП вознесла, он приобрел ореол «национального героя», «спасителя демократии». Он принялся действовать уже без оглядки на центральную власть. Сразу же после ГКЧП, под шумок, правительство РСФСР забрало под свой контроль Госбанк СССР и Внешэкономбанк СССР. А в качестве «экономического гения» советники порекомендовали Ельцину Гайдара. Мы уже упоминали о нем. Выходец из системы Гвишиани, ученик академика Шаталина. Ельцин понимал в экономике разве что на уровне секретаря обкома. Но всегда был склонен «рубить сплеча» – особенно в «подогретом» виде. Программа Гайдара его вдохновила.

28 октября Борис Николаевич созвал V Съезд народных депутатов РСФСР и провозгласил рывок к «рынку». Было создано «правительство реформ». Возглавил его сам Ельцин вместе с Гайдаром – взял его сопредседателем, исполняющим обязанности премьер-министра. Своими указами Борис Николаевич ввел основные пункты гайдаровской программы – либерализация цен, приватизация, конвертируемый курс рубля, свободная торговля. Ну а гражданам Ельцин наобещал, что «хуже будет всем в течение примерно полугода», затем последует «снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а осенью 1992 г. – стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей».

Горбачев все еще носился с «Новоогаревским процессом». Но главы республик входили во вкус самостоятельности и все меньше считались с ним. О каких-то хозяйственных делах договаривались между собой напрямую, без союзного правительства. Прежние проекты союзного договора отвергали, его снова и снова переделывали. Ельцин еще в 1990 г. высказывал идею – зачем вообще нужны центральные органы власти? Упразднить их, а важнейшие вопросы решать советом руководителей республик... Сейчас и советники подсказывали Борису Николаевичу: Горбачев цепляется только за собственное положение. Зачем он нам нужен?

8 декабря 1991 г. на правительственной охотничьей усадьбе Вискули в Беловежской пуще встретились Ельцин, президент Украины Кравчук и председатель Верховного Совета Белоруссии Шушкевич. Предлогом было договориться о поставках российских нефти и газа на Укра-

ину и в Белоруссию. Но Борис Николаевич заранее тайно перемолвился с партнерами – «новоогаревский процесс» зашел в тупик, и надо искать «новые решения». Приехав с командой помощников, Гайдаром, Бурбулисом, Козыревым, Шахраем, он привез эти «решения». Проект договора о Содружестве Независимых Государств, СНГ, а «Союз ССР... прекращает свое существование». Как свидетельствовал начальник охраны Ельцина Коржаков, коньяк и зубровка лились рекой. Пьяные главы трех республик подписали договор.

Первый сигнал в Москву полетел от белорусского КГБ, было сразу доложено Горбачеву. К Вискулям выдвинулся спецназ КГБ, ждал команды на арест заговорщиков, но ее не последовало [4]. Беловежские соглашения стали неожиданностью даже для «правой руки» Бориса Николаевича, вице-президента России Руцкого. Он помчался к Горбачеву, предлагая немедленно арестовать Ельцина. Но тот ответил: «Не паникуй... У соглашения нет юридической основы... Прилетят, мы снова соберемся в Ново-Огарево. К Новому году будет Союзный договор!» [54] Позже Горбачев оправдывался, будто не желал кровопролития, гражданской войны. И лишь в 2014 г. в эфире «Русской службы новостей» он озвучил истинные причины своего поведения: «После подписания Беловежского соглашения Ельцин сначала позвонил и доложил Бушу, а потом уже мне». Конечно, при таком раскладе спорить не приходилось.

Били тревогу народные депутаты СССР, собрали подписи о созыве чрезвычайного съезда. Но Горбачев его так и не созвал. Зато Верховный Совет РСФСР ратифицировал соглашения и денонсировал договор 1922 г. об образовании СССР. А 21 декабря в Алма-Ате встретились президенты союзных республик, и еще восемь из них присоединились к СНГ. Запад признал эти перемены мгновенно! Буквально с ходу! Всего через два дня Россия официально заняла место СССР в Совете безопасности ООН.

25 декабря в 19:00 Горбачев выступил по телевидению. Объявил, что в связи с созданием СНГ прекращает свою деятельность на посту президента «по принципиальным соображениям». И вот это для постановщиков спектакля совсем не было неожиданностью. Потому что сразу же после обращения президента, в 19:38, на его резиденции в Кремле был спущен государственный флаг СССР и поднят трехцветный, российский. Подготовились заранее. История Российской Империи завершилась заговором и сфальсифицированным «отречением» Царя. История СССР завершилась реальным, перед всем народом, отречением Горбачева. Причем его никто не принуждал. Однако бороться он даже не пытался. Очевидно, намекнули, как в свое время Львову или Керенскому, – пора...

Глава 4

На пороге новой эры

Население СССР насчитывало более 290 млн человек. Многие ли из них в последние дни 1991 г. и в начале следующего задумывались и осознали, что они встречают не только новый год, а переходят в другой мир, в новую жизнь, совершенно не похожую на то, что было раньше? Нет, не многие. В полной мере это ощущали в республиках, где власть уже захватили националисты. В Эстонии, Латвии, Литве, Молдавии, Грузии. Ощущали в регионах, где уже накалялись конфликты, – в Приднестровье, Карабахе, Осетии, Абхазии. А для подавляющего большинства граждан известия о Беловежских соглашениях и уход в отставку Горбачева вовсе не воспринимались некой глобальной катастрофой.

Они, конечно, стали встряской – но только очередной. За последнее время их было слишком много, встрясок. Перестройки с фонтанами «гласности», размывающей привычные устои мировоззрения. Бурное размножение кооперативов, перемешанных с преступностью. Опустевшие прилавки магазинов с карточными системами «талонов». Непрерывные реформы, выборы, съезды, митинги, демонстрации, «путч ГКЧП». Приостановка деятельности компартии, роспуск комсомола. Народ устал от всего этого. А о Горбачеве никто не жалел. Рассуждали: хуже, чем при нем, все равно не будет. Хотя это было довольно наивно...

Советский Союз прекратил существование, а люди продолжали привычно ходить на работу. Ведь большинство заводов, фабрик, институтов, учреждений еще действовало. Еще выпускалась продукция по старым планам и заказам. Еще велись научные и технические разработки – которые так и останутся незавершенными. Правда, задержки зарплаты стали систематическим явлением, но к этому тоже привыкли, как-то выкручивались. Перестройка приучила людей и к дефицитам, перебоям с самыми необходимыми товарами, очередям. Но пессимисты опасались, что продукты совсем исчезнут, зимой 1991/92 гг. ждали голода. Многие (особенно пенсионеры, помнившие войну и послевоенные годы) сосредоточили свои усилия на собирании запасов. Отоваривали все талоны, закупали все, что можно приобрести без них. Забывали чуланы и прочие подходящие помещения крупами, макаронами, солью и пр.

И одновременно готовились к встрече Нового года! Это казалось «святым», эта традиция в любом случае соблюдалась. Спиртное продавали по талонам, в месяц на человека бутылка водки и бутылка вина. А когда люди шли эти талоны «отоваривать», им нередко предлагалась всякая гадость, вроде суррогатного портвейна или «стрелецкой». Но брали всё – вдруг и этого не будет? И брали даже непьющие: спиртное считалось ценнейшей «валютой», за бутылку можно было обеспечить любые услуги, нанять любого мастера. Ну а дефициты вроде шампанского доставали по месту работы. Централизованно составляли списки, администрация связывалась с торговой сетью. Впрочем, к концу 1991 г. стали множиться и «коммерческие» магазины, где имелось все, но очень дорого. И уж к Новому году народ, конечно же, позаботился.

В общем, праздновали – как было принято в советские времена. Не думая о том, что они кончились. Так же накрывались столы, хлопали пробки, лилось мерено и немерено. А по телевизорам так же шел «Голубой огонек». Гремела веселая музыка, кривлялись и дергались артисты, хохмили юмористы – кстати, их в перестройку развелось особенно много. Людей приучали ржать над всем окружающим, и над политикой, и над экономическим развалом, и над своей историей. А в целом получалось: над тем, что они русские, советские, поэтому не способны жить «как люди». И ржали, и тосты поднимали, поздравляли «с Новым годом, с новым счастьем»...

Нет, глубины катастрофы большинство населения не понимало. Подмена СССР мыльным пузырем СНГ воспринималась без особого трагизма, как нечто формальное (а то и зако-

номерное, «прогрессивное»). Ведь и правительство Ельцина примерно так внушало: ничего экстраординарного не произошло. Как жили вместе, так и будем жить вместе, «сдружеством». Только станем «независимыми». Все связи как будто сохранялись. Из одной республики в другую ездили свободно. И паспорта у всех оставались одинаковыми, советскими. И на зимних Олимпийских играх в 1992 г. спортсмены из бывших республик СССР выступали еще одной командой.

А некоторые люди даже раскатали губы, насколько выгодным будет разделение. Помнится, ко мне приехал родственник с Украины. Глубокомысленно рассуждал: «Мы теперь заживем! Раньше все отдавали, других кормили, а теперь не нужно. У нас хлеб есть, мясо и сало есть. А газ мы у Ирана покупать будем...» Да, после перестроечных дефицитов хлеб, мясо и сало кому-то казались достаточными для полного счастья.

Но отгремели новогодние «огоньки», поздравления с этим самым «новым счастьем», и сразу же посыпались новогодние «подарки». По программам Гайдара в России и аналогичным программам в других республиках с 1 января 1992 г. была проведена «либерализация цен». Попросту говоря, государственное регулирование цен отменялось. Они круто прыгнули вверх. Хотя при этом и отсутствующие продукты вдруг появились в магазинах, только стоили они значительно дороже. Откуда напрашивается вывод о причинах их отсутствия – их просто придержали на складах, дожидаясь «либерализации».

Дальше Ельцин издал указы № 65 «О свободе торговли» и № 66 о «повышении эффективности деятельности предприятий путем их приватизации». Города стали превращаться в огромные базары. Чтобы прожить, множество людей ринулось торговать чем попало, и чужими товарами, и собственными старыми вещами. Развращалась милиция, собирая в этих скопищах «навар» за право торговать в местах своего дежурства. «Навар» с продавцов собирали и группировки преступников, контролирующие те или иные районы. Свобода торговли помогла улучшить положение с продовольствием. В ней увидели отдушину колхозы и совхозы, оставшиеся без средств к существованию, стали высылать в города машины с яйцами, курами, мясом на продажу. Но поправить дела подобным способом оказалось проблематично. Сразу нашлись предприимчивые посредники, скупающие продукцию за гроши и перепродающие втридорога. С крупными неприятностями для тех, кто пытается обойтись без них и торговать напрямую.

Политическая жизнь вчерашних советских республик тоже напоминала беспорядочный базар. Новоявленные независимые власти реорганизовывали свои правительственные структуры, вводили собственные деньги – купоны, карбованцы и пр. Наперебой расхватывали объекты и предприятия общесоюзного подчинения, партийную собственность на своих территориях. Озаботились и воинскими частями, городками, базами. Одни, как Литва, Латвия, Эстония, требовали вывести военных со своей земли. А президент Украины Кравчук объявил, что переводит все войска, находящиеся в республике, под собственное командование. Некоторые генералы и офицеры отказались служить «вильной Украине». Бросали квартиры, имущество, уезжали в Россию. Были перелеты боевых самолетов с украинских аэродромов.

Положение усугублялось тем, что подчинение Вооруженных сил оказалось очень неопределенным. В августе 1991 г. в дни ГКЧП верховным главнокомандующим на территории России объявил себя Ельцин. А после ГКЧП и ареста министра обороны СССР Язова на его место был назначен маршал авиации Евгений Шапошников – он был главнокомандующим ВВС, и Горбачев оценил его лояльность к «демократии» во время «путча». Но для роли руководителя военного ведомства в сложнейших условиях кризиса и распада страны Шапошников совершенно не годился. Был нерешительным. Не мог отреагировать на сыпавшиеся отовсюду «нештатные» ситуации, сделать самостоятельный выбор и отдать приказы без указаний начальства. А Горбачеву было не до него, и армейские структуры действовали как попало, по инерции, по решениям командиров низших звеньев. Ну а потом СССР не стало – соответственно, и министерства обороны СССР.

Шапошников занял должность командующего Объединенными Вооруженными силами СНГ. Но она оказалась весьма расплывчатой – начались только пустопорожние обсуждения и согласования, что это за объединенные силы, кто их выделяет и зачем. Вместо объединения лидеры вновь образовавшихся государств озаботились разделом союзной собственности. В том числе и Вооруженных сил. Некоторые вопросы решались быстро. Так, Россия взяла на себя внешние долги Советского Союза. За это она забирала активы и имущество СССР за рубежом, а вдобавок ей переходило все ядерное оружие. Размеры заграничной собственности никто, собственно, не оценивал, с долгами не соизмерял, махнули безоглядно, «баш на баш».

Впрочем, для достижения такого соглашения очень постарались американцы. Они были крайне встревожены, как бы ядерное оружие не расплзлось по республикам – руководители в них сидели новые, сомнительные, власть их была непрочной, вот и гадай, в чьи руки попадут ядерные ракеты и бомбы, кому и как взбредет в голову их применить. А в России – считалось, все же под контролем. Существовали и проекты со временем предложить ядерное разоружение в обмен на списание долгов. Но и республиканские лидеры в данном случае спорить не стали. Долгами их не обременяют – и прекрасно. А «ядерный чемоданчик» все равно перешел от Горбачева к Ельцину, пункты управления стратегическим вооружением находились в России.

Но обычные армии хотелось иметь всем. Для этого тоже нашли простое решение. Советскую армию поделить. По полкам, по дивизиям. На чьей территории располагаются, к тому и переходят. Так же, как решил Кравчук, но он просто поспешил, хотел забрать себе воинские контингенты на Украине сразу же. Теперь делалось более плавно и организованно. Склады, имущество, техника, оружие передавались республикам. А военнослужащим давался срок для выбора: остаться в своих частях (но служить уже республиканскому правительству) или уволиться, или перейти в российскую (или какую-то другую) армию. При таком раскладе и официальной договоренности многие оставались. В своей-то части все было привычно, в военных городках были квартиры, при реорганизациях и перестановках открывалась возможность повышений. Опять же еще не ощущали кардинальной разницы. Был СССР, стало СНГ. Считали, что республики все равно останутся вместе. Какая разница? Приносили новую присягу, начинали служить Белоруссии, Узбекистану или Киргизии.

Но о разделе Черноморского флота с января 1992 г. начались отдельные переговоры между Россией и Украиной. Кравчуку и его «команде», как говорится «и хотелось, и кололось». С одной стороны, их манил громкий статус «морской державы». С другой – содержание флота требовало больших расходов, тратиться Киеву было жалко. Поэтому сперва Украина соглашалась взять ряд мелких кораблей, а остальное уступить. Но ведь главной базой флота был Севастополь, тут располагалась вся инфраструктура – склады, управление, системы связи, ремонтные мастерские, казармы, причалы, портовые сооружения и техника.

Однако ситуация складывалась такая, что большинство жителей Крыма совсем не горело желанием оставаться в составе Украины. Здесь образовался «Народный фронт Севастополь – Крым – Россия». Еще в январе 1991 г. в Севастополе прошел референдум, 97 % жителей высказались за особый статус города, центрального подчинения. А в феврале 1992 г. Верховный Совет Крымской автономной республики переименовал ее в Республику Крым, собственное название переименовал на «парламент». В мае он проголосовал за государственную независимость Крыма, назначил референдум по данному вопросу. Но в Киеве его решения не признали, объявили незаконными. А Ельцин не хотел ссориться с Кучмой. Порыв к отделению Крыма от Украины не поддержал. Но и переговоры о флоте затянулись, завязли в спорах о статусе его базы. В конце концов условились на три года отложить раздел. Пускай флот пока считается в общем владении России и Украины.

На международной арене крушение СССР вызвало настоящий дипломатический взрыв. Новоявленные государства ринулись наперебой устанавливать дипломатические отношения и друг с другом, и с другими странами. А их в мире много, чуть ли не каждый день кто-то с

кем-то устанавливал. Казахстан – с Ватиканом, Армения – с Гвинеей, Азербайджан с Суданом. Сколько вчерашних партийных и комсомольских работников смогли получить престижные должности послов, консулов, советников! Для укомплектования посольств и консульств по всему миру кадров явно не хватало, поэтому процесс затянулся на несколько лет. Бывшие советские республики практически мгновенно были приняты в ООН, в Совет Сопровождающих по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) – вскоре преобразованный в ОБСЕ.

А Ельцин расшаркивался перед Западом. 26 января он сделал заявление, что отныне российское ядерное оружие не нацелено на американские города. Характерно, что США ответных реверансов не сделали. Промолчали. Но это не помешало Борису Николаевичу 31 января встретиться в Кэмп-Дэвиде с президентом Джорджем Бушем-старшим. Подписали российско-американскую декларацию о завершении «холодной войны». Правда, точно такие же слова звучали раньше, при встрече Буша с Горбачевым на Мальте в 1989 г. Но теперь они получили новое содержание. Выступая перед Конгрессом США, Буш объявил о «победе над СССР». Документ, подписанный Ельциным, приобрел именно такой смысл.

При этом победители выражали готовность помочь капитулянтам. В январе 1992 г. в Вашингтоне собралась конференция, представители 47 государств и 7 международных организаций обсуждали поддержку СНГ. С февраля ВВС США начали операцию «Provide Hope» по доставке в бывшие советские республики гуманитарных грузов. Хотя жест был чисто демонстративным. Перебрасывались излишки продовольствия и медикаментов, оставшиеся после войны в Персидском заливе. Они все равно были не нужны, а хранение требовало затрат, их предстояло ликвидировать. Вот и отдали. Да и количество отнюдь не впечатляло. Первым этапом – 2 тыс. тонн. Всего за год – 7 тыс. тонн. Для 290 млн человек – капля в море. Зато рекламировали «помощь» очень широко. Что касается реальной «помощи», то бывшие советские республики одну за другой приняли в Международный валютный фонд. Вот это было гораздо серьезнее – ссужать деньги, опутывать долгами.

Что ж, в новых государственных образованиях положение было незавидным. Правительство Эстонии возглавлял лидер националистического Народного фронта Эдгар Сависаар – кстати, из «прогрессивных» экономистов академика Гвишиани, диссертацию он защитил на тему «Основы глобальных моделей Римского клуба». Вместе с другими прибалтийскими республиками эстонцы получили независимость раньше других, еще 2 сентября 1991 г. Но и в лужу сели раньше других. Уже в январе обнаружилось, что воинствующие русофобы не могут обеспечить свое население ни продовольствием, ни топливом. Правительство Сависаара ушло в отставку. Его сменил Тийт Вяхи, начавший договариваться не только с Западом, но и с Россией.

Но лихорадило и другие республики. В Узбекистане 1 января «либерализовали» цены, а 16 января начались крупные волнения в студенческом городке Ташкентского университета и политехнического института, студенты протестовали против резкого подорожания, не могли купить хлеба. Стихийный митинг разгоняла милиция, ее закидывали камнями, она открыла огонь, двое юношей погибли, многих арестовали. Это вызвало новый взрыв беспорядков. Митинги разгоняли дубинками, но они возобновлялись. С 18 января студгородок стали зачищать, студентов принудительно высылали на «каникулы» по местам жительства. В Ташкент их больше не вернули, перевели на учебу в областные центры Узбекистана, для этого местные пединституты преобразовали в университеты или открыли там филиалы ташкентских вузов.

Бурлила и Россия. 9 февраля движение «Трудовая Россия» собрало массовый митинг против начавшихся реформ на Манежной площади в Москве. Но аппарат Ельцина, Гайдара, Попова мобилизовал служащих государственных учреждений, призвал «демократию», и у Белого дома был организован альтернативный массовый митинг – с требованиями «не мешать правительству» проводить реформы.

23 февраля, в День Советской армии, митинг созвал Союз офицеров. Не только в честь праздника – протестовали против раздела Вооруженных сил. Предполагалось шествие, возложение цветов к могиле Неизвестного солдата. Правительство Москвы по настоянию Попова запретило все митинги и демонстрации. Но Моссовет отменил это постановление. Митинг разрешили на площади Маяковского. Однако было собрано 12 тыс. сотрудников милиции, 4 тыс. солдат внутренних войск. 450 грузовиков заблокировали улицы в сторону центра. Потом разыгралась провокация. Среди массы митингующих кто-то запустил слух, что Попов одумался, возложить цветы к Вечному огню разрешили. Организовалось шествие к Кремлю. Кордоны милиции разошлись, грузовики разъехались. Но когда колонны вступили в образовавшиеся проходы, стражи порядка вдруг сомкнулись, отсекая их, и начали избивать.

Причем в отношении патриотов впервые был внедрен термин «красно-коричневые», солдат и омовцев накрутили, что это враги, чуть ли не фашисты. А во главе шествий шли с цветами старики, ветераны войны. На них и посыпались удары дубинок! [28, 69] «Демократическая» пресса описывала разгром манифестации с откровенным глумлением – как проучили отживших свой век «совков». Но с этого времени обозначилось открытое противостояние патриотических сил и власти. 17 марта, в годовщину референдума о сохранении СССР 100 тыс. человек собрались на «Всенародное вече» – требуя выполнения итогов референдума.

А в некоторых регионах гремела стрельба, лилась кровь. В Грузии режим «правозащитника» Звиада Гамсахурдиа довел республику до полного раздора. Под его эгидой с 1990 г. создавались вооруженные формирования – Национальная гвардия, группировка «Мхедриони» вора в законе Иоселиани. Начали набеги против Южной Осетии и Абхазии, лояльных к России. Грузинский парламент постановил лишить их национальной автономии. В самой Грузии развернулись преследования русских, осетин, абхазов. Многие уезжали в Россию. Но в дни ГКЧП Гамсахурдиа струсил, объявил о роспуске своих формирований. Однако ГКЧП мгновенно провалился, и соратники Гамсахурдиа обвинили его в предательстве. Он распустил правительство, арестовал Иоселиани.

Национальная гвардия под командованием художника Кетовани разоружиться отказалась, ушла в леса. Опорой Гамсахурдиа осталась грузинская милиция. В Тбилиси периодически повторялись беспорядки, столкновения, были убитые и раненые. Гамсахурдиа заключил союз с Дудаевым, захватившим власть в Чечне. Решил создавать новую грузинскую армию. СНГ он игнорировал, поэтому в разделе Вооруженных сил не участвовал. Но и сам, без всяких договоров и соглашений, провозгласил, что «национализирует» все воинские склады и имущество советских войск на территории Грузии.

Однако Кетовани со своей Национальной гвардией встревожились, что их противник сформирует силы против них, и не допустили этого. Подняли мятеж в Тбилиси, к ним присоединилась группировка «Мхедриони», освободила из тюрьмы своего предводителя Иоселиани. Две недели в городе гремели уличные бои, Гамсахурдиа бежал. В Грузии стал заправлять «Военный совет» во главе с Кетовани и Иоселиани – как говорили, к власти пришли «неизвестный художник и известный вор». Конечно, такое правительство было слишком сомнительным, и республика разделилась в гражданской войне.

Но после ликвидации СССР в Москве «освободился» куда более авторитетный лидер, Шеварднадзе. Бывший первый секретарь ЦК компартии Грузии, бывший министр иностранных дел СССР. В Грузии у него сохранялись обширные связи, и многие исследователи склоняются к мнению, что за организацией переворота стоял именно он. Во всяком случае, Кетовани, Иоселиани и другие руководители пригласили его на родину, безоговорочно уступили первенство. «Военный совет» был преобразован в Государственный совет, и Шеварднадзе стал его председателем. Сразу же обратился с просьбой к Ельцину – не выводить из Грузии войска СНГ. Здесь остались российские гарнизоны, помогли поддержать и восстановить порядок. Но

остались невывезенными и большие склады вооружения, оно стало перетекать к грузинам. Под командованием Кетовани началось формирование их армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.